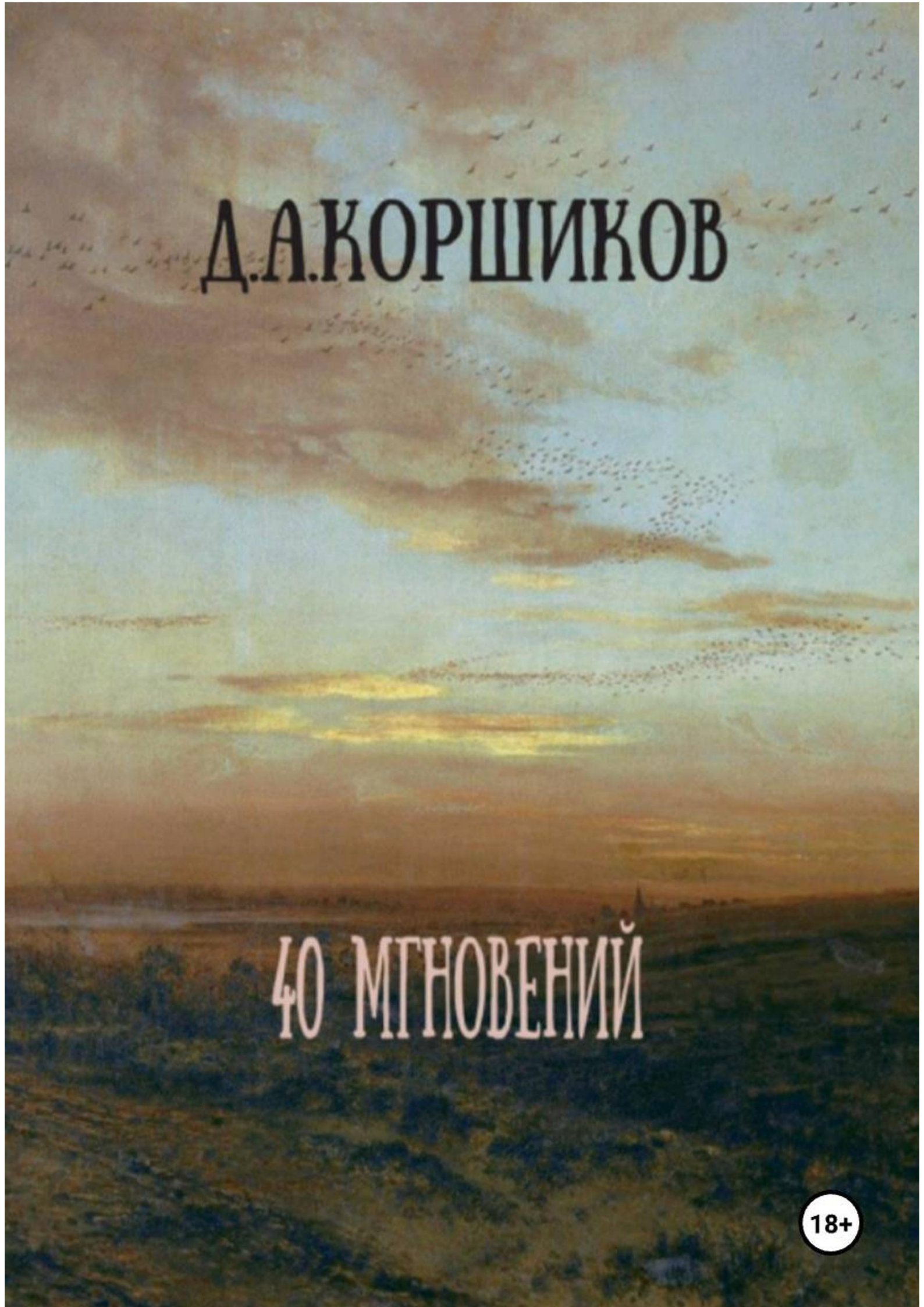




Д.А.КОРШИКОВ

40 МГНОВЕНИЙ

18+

Данила Коршиков

40 мгновений

«Автор»

2026

Коршиков Д.

40 мгновений / Д. Коршиков — «Автор», 2026

Негромкие истории о простых людях и их непростых чувствах. В каждом рассказе — тонкое наблюдение, точная деталь и глубокое понимание человеческой души. Проза, в которой трагедия уместается в одну реплику, а счастье — в случайный взгляд.

© Коршиков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Д.А. КОРШИКОВ	5
Мечты	6
Подмога	9
Перед картами	16
Мой самый лучший рассказ	19
Падать с закрытыми глазами	24
Человек из тени	26
Дурни!	32
Бескрайнее лето	35
Богатство	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Данила Коршиков

40 мгновений

Д.А. КОРШИКОВ

40 МГНОВЕНИЙ

40 МГНОВЕНИЙ

Рассказы

Данила Александрович Коршиков

Из крохотных мгновений соткан дождь.

Течет с небес вода обыкновенная.

И ты, порой, почти полжизни ждешь,

когда оно придет, твое мгновение.

Роберт Рождественский

Мечты

А потом в комнату, без стука, вошла комендантша — невысокая, полная женщина средних лет, с вечно убранной на затылок копной рыжих волос, острым носом и расплывчатым подбородком, который синхронно двигался вместе с ярко накрашенными губами, едва поспевавшими лепить из пронзительного крика слова. Я лежал на кровати спиной к двери, смотрел в окно, и мне казалось, что листья, смутно различимые в вечернем сумраке, колышутся не от ветра.

— Уже который раз, — полыхал сзади пожар, — выселю, — с треском вылетела искра и упала где-то совсем рядом.

Мне стало жарко, хотелось встать и открыть окно настежь; но вместо этого я лишь замер и еще глубже утонул в постели, страшась того обжигающего потока, что проносился мимо и ударял в моего соседа Никиту, лежащего на кровати вдоль окна.

— В последний раз, — огонь крепчал, — бессовестный, — и обжигал мне затылок.

Я чуть приподнял голову и сочувственно посмотрел на его твердый, не выражающий ни единой эмоции профиль, на скрещенные на груди руки, на то, как он равнодушно рассматривал стену, и мое сочувствие сменилось торжеством и радостью; мне показалось, что я нахожусь внутри какой-то смешной и нелепой комедии; я опустил голову и чуть было не рассмеялся. Наконец пожар сзади начал постепенно стихать: языки пламени становились слабее, искры затухали, едва достигнув коврика у двери; листья больше не колыхались, а каждый вдох всё глубже проникал в легкие.

Через минуту последние угли погасли, дверь громко закрылась, и комнату, словно густой дым, наполнила тишина.

Мы лежали молча еще некоторое время. Я смотрел на Никиту, и он казался мне каменной статуей застывшей в момент глубоких раздумий; глаза его не мигали, руки, сцепившись на груди, были неподвижны; в такие моменты мне всегда бывало не по себе, и я молчал. Но вот, наконец, он вздрогнул, как ото сна, не без труда поднялся на ноги и, шатаясь, принялся отряхивать пиджак и мятую рубашку, словно хотел сбросить с себя пепел прошедшего пожара. Его лицо, под взъерошенной шевелюрой, нахмурилось и приняло угрюмое выражение, но вряд ли оно было обусловлено состоянием одежды, потому что его затуманенный взгляд, медленно, спотыкаясь о каждый предмет интерьера, блуждал по комнате. В какой-то момент он так увлекся, что забыл о равновесии и стал наклоняться в сторону, будто комната была каютой корабля, попавшего в шторм; я хотел было вскочить и удержать его, но он выставил ногу и громко топнул пыльным ботинком о деревянный пол; и только тогда его блуждающий взгляд остановился. Я сидел на кровати и видел, как он подошел к столу и взял с него несколько листов бумаги, разлинованных нотным станом, по которому были рассыпаны ноты и паузы. Он держал их пару минут, и они дрожали в его руках, как на ветру; пристальным, тяжелым взглядом он впивался в каждую ноту, словно хотел выжать из нее звук. Потом он медленно поднял голову и посмотрел на меня.

— Не сдал, — сказал он глухо, будто через силу, — опять не сдал, — и снова уставился в ноты.

Я хотел его утешить и сказать то, что обычно говорят в подобных ситуациях: о несправедливости судьбы; об излишней строгости и некомпетентности судей; перечислить всех тех, кто тоже провалился; и даже выдумать историю о том, как я в прошлом году сдал один экзамен лишь с третьего раза.

Но не успел я сказать и слова, потому что Никита бросил ноты на стол, прошел нетвердым, быстрым шагом к своей тумбочке, достал из чехла гитару, рухнул на кровать и обнял ее, словно любимую подругу. Руки его перестали дрожать и напряглись, как перед непосильной

работой, на лбу выступил пот, а остекленелые глаза уставились на пальцы левой руки. И он начал играть.

И вдруг с потолка посыпались хрупкие стеклянные шарики; с визгом пронесившись вниз, они вдребезги разбивались о деревянный пол, и множество мелких осколков, скрежеща, разлетались во все стороны, в клочья раздирая наши заправленные постели, разбивая нашу чистую посуду и нещадно раня наш музыкальный слух. Чтобы отвлечься, я посмотрел на гитару — на ее плавные изгибы, гладкую деку, блестящие колки, — но когда я взглянул на струны, то мне показалось, что они уходили куда-то вместе с хозяином, и теперь, тоже одурев от пьянства, вернулись и никак не могут настроиться и поладить, а только бегают друг от друга, крича и бранясь, как заклятые враги. Пальцы его левой руки побледнели; пальцы правой спотыкались, падали, суетясь, быстро поднимались и снова, не разбирая дороги, неслись вперед. Вскоре в стену громко постучали, и напряженное лицо Никиты побагровело еще сильнее; он вдруг остановился, расслабил руки и тело и, уставившись в одну точку, снова закачался, словно выпив несколько рюмок водки.

— Чертово бревно, — зачертыхался он, вставая и пошатываясь, — сколько лет тебе отдал — и всё впустую, — он держал гитару перед собой за гриф, как врага за горло. — Никогда, — кричал Никита, — никогда я к тебе больше не притронусь, проклятая, — он приблизил гитару к лицу. — Завтра же... Завтра же уйду отсюда, а тебя выброшу на помойку. Да, так и знай... Туда тебе и дорога, — его ненавистный взгляд бросился на меня. — А ты чего уставился? Смеешься? — я молчал. — Знаю, что смеешься. Ты так же, как я, небось, и в первом классе не играл. Виртуоз ты наш! Смейся, смейся, тебе можно, тебе всё можно, — лицо Никиты сжалось и сделалось лицом маленького ребенка, который потерялся.

Он вдруг поднял гитару над головой, обхватил гриф обеими руками и стоял так, всё еще пошатываясь и закрывая то один глаз, то другой, словно прицеливаясь; потом он глубоко вздохнул, сдавленно хмыкнул и, размахнувшись как заправский дровосек, со всей силы направил гитару к полу; я остолбенел от ужаса и даже, кажется, вскрикнул, но в последний момент, неудобно и нелепо согнувшись, Никита остановился, и только после секундной паузы расслабил пальцы. Гитара упала и тихо застонала. Никита махнул рукой и повалился на кровать.

Листья за окном превратились в бесформенный, черный силуэт, едва колыхавшийся, будто от сонного ветра, но вот затих и он — всё замерло, и из открытой форточки потянуло осенним холодом. Я поднялся, подошел к окну и крепко закрыл его; повернувшись, я посмотрел на своего соседа Никиту, его спокойное умиротворенное лицо снова сделалось детским, но теперь он был ребенком, которого наконец нашли. Я вытащил из-под него одеяло и укрыл его до самого подбородка.

Умывшись и почистив зубы, я выключил свет и улегся в постель. Но мне не спалось. Я лежал на спине и смотрел, как медленно проясняется потолок, как стол, стулья, тумбочки и шкаф выплывают из тьмы, как за окном спит тоскливая осень. И мне вспомнилось вдруг, как еще более тосклива была та осень в день моего приезда: как было сыро и пасмурно; с какой грустью и нехотью падали с деревьев листья; как неприветлив был этот дом и высокие ступени; как тяжелы мои сумки и чехол гитары; и, казалось, что даже последние стрижи, носившись в темном небе, кричали мне: беги, беги, беги.

И мне вспомнились мои школьные друзья, и представилось, как сейчас, далеко-далеко отсюда, они учатся в местном училище, сидят теми же парами, что и в школе, шутят те же шутки, смеются над ними тем же смехом; а потом, после занятий, идут гулять по до боли знакомым улицам и дворам, а если они наскучат, то сидят всё в том же парке, всё на тех же лавочках и кормят всё тех же голодных голубей и воробьев; а после, когда сгустятся сумерки, они медленно бредут в родительский дом, где плотно поужинав и напившись на ночь чаю, укладываются в свои удобные, мягкие постели с мыслями о том, что в конце завтрашнего дня снова сюда вернутся. Я повернул голову, посмотрел на свою дорожную гитару и, вспомнив, с каким

упоением смотрели и слушали меня сегодня преподаватели и как громко хлопали пришедшие зрители, невольно поморщился, словно раскусив горькую таблетку. Я снова уставился в потолок и дал себе слово, что в пятницу пропущу все уроки и ранним утром уеду домой.

Кто-то произнес мое имя в темноте.

— Что, Никита? — ответил я.

— А ты знаешь, — голос его теперь был мягким, певучим и абсолютно трезвым, словно в его постель улегся кто-то другой, — ты знаешь, — повторил он, — что зал в нашем дворце культуры имеет восемьсот пятьдесят сидячих мест.

— Да, — сказал я, — где-то восемьсот пятьдесят.

— И мне кажется, — продолжил Никита, — что если выйти на эту сцену, сесть на стул где-то в ее середине и, шурясь от ярких софитов и взглядов восьмисот пятидесяти пар глаз, начать играть, играть и играть, то дух может захватить настолько, что начнешь задыхаться, как на высокой-высокой горе, потеряешь сознание и упадешь замертво под залп аплодисментов.

— Да, — сказал я, — замертво.

Он говорил что-то еще и еще, и голос его был певуч и нежен. Но слов я уже не разбирал: я погрузился в глубокий сон. И мне снился мой тихий двор после дождя, и как соседская кошка, нежась в вернувшихся лучах солнца, лениво умывалась, снова и снова облизывая свою лапу; потом вдруг где-то громко заиграла музыка, кошка испуганно убежала и снова пошел дождь.

Июль 2025г.

Подмога

На усыпанном мокрыми кольцами деревянном столе одиноко стояли два полных стакана с пивом, будто два человека-невидимки неведомо как встретились и решили отметить данное событие. Тем временем, из-под стола доносились приглушенные голоса.

— Да это, наверное, не тот стол.

— Да как же не тот? Тот самый и есть; ты получше, получше смотри!

— А может, его кругом развернули?

— Да как же его развернут, если он уже в пол врос?

— Слушай, а кто это такой Данила К.? Что-то я такого не помню.

— Ну-ка, подвинься, ты мне всю ногу отдавил.

— Нашел! Кажется, нашел!

Еле заметная волна потревожила спокойную пивную гладь; она заволновалась и уже собралась набросить на себя пенную шапку, но, то ли от нежелания, то ли попросту из лени, только слабо пошипела, да снова успокоилась.

Двое мужчин вылезли из-под стола и уселись друг напротив друга на деревянные скамьи.

— На месте, — сказал один из них, — и всё-таки она на месте.

— Конечно, на месте, — ответил другой, — куда же ей деться? Здесь всё на своих местах, вон, даже хозяин тот же, — он обернулся и взглянул на опершегося о косяк прохода в складное помещение за барной стойкой мужчину. Его друг посмотрел туда же.

— Эх, сколько же мы за этим столом выпили? — глаза, залитые не только пивом, но и ностальгической пеленой, осматривали убранство бара, — отмечали и поступление, и сдачу каждого экзамена, неважно удачную или нет.

— Да, если собрать всё это пиво воедино, то можно заполнить всё это помещение, и еще даже на утро останется.

Двое друзей с минуту помолчали, будто смакуя в памяти старые воспоминания.

— Ну, а как там дела у наших? — мужчина отхлебнул маленький глоток из стакана. — Сто лет уже никого не видал.

— Еще бы! Я вообще удивляюсь, как ты из своей столицы выбрался; как твоя мать отсюда уехала, я вообще и не надеялся тебя больше увидеть.

— Да, мама уехала, — стакан кружился в объятиях цепких пальцев. — Ну, а как там Санька? Исполнил таки свою мечту?

— Санька-то? А с Санькой вот чего вышло.

Но не успел новоприбывший друг услышать историю про своего старого товарища, потому что входная дверь резко открылась, и то, что появилось после ее закрытия, оборвало нить повествования рассказчика и перетянуло всё его внимание на себя.

— Ну, а дальше-то что? — спросил старый приятель рассказчика. — И куда ты там устался? — он повернулся к выходу и совершенно забыл, чем начинался рассказ про Саньку.

Неопределенных лет мужчина, сидя в инвалидной коляске, еле передвигая колеса, медленно продвигался от двери к барной стойке. Одет он был в некогда черную, но теперь выцветшую на солнце до почти серого цвета куртку; на голове сидела слишком большая для такой маленькой головы шляпа, что постоянно сползала на глаза, из-за чего ее хозяин вынужден был постоянно сдвигать ее на затылок. Невозможность определить возраст вошедшего мужчины заключалась в его лице, которое после каждого поправления шляпы на несколько секунд освещалось тусклым светом ламп на потолке; и будто за эти несколько секунд оно проживало целую жизнь, претерпевая возрастные изменения. Поначалу, в самый первый миг касания искусственных световых лучей, лицо, казалось, принадлежало молодому человеку никак не старше двадцати пяти лет: и приятная округлость, и чисто выбритый подбородок, и даже

легкий румянец на щеках говорили об этом; но уже в следующую секунду, особенно, если шляпа немного запаздывала, все черты лица заострялись, словно кто-то тянул его за кожу на затылке: до этого прямой нос становился орлиным; губы сужались в тонкую единую линию; яснее выступали острые скулы и изгибы черепа; а глаза увеличивались в размере и наливались цветом непроглядной ночи. Перед тем, как шляпа скрывала его лик в своем укрытии, можно было подумать, что перед вами старик разменявший не меньше шести десятка лет; но вот шляпа снова поднималась и всё начиналось сначала.

— А это еще кто? — спросил обернувшийся мужчина.

— А ты его разве не помнишь?

— Помню? — глаза сощурились, наводя фокус. — Я его даже не знаю.

— Знаешь, знаешь. Это же Димка, Димка Петров.

— Димка? — глаза сощурились еще сильнее. — Это тот, который...

— Да-да, он самый.

— Насколько я помню, он даже младше нас на год.

— Верно.

Тем временем мужчина, именуемый Димкой Петровым, добрался таки до барной стойки, взобрался, не без помощи соседних посетителей, на высокий барный табурет и еле слышно что-то заговорил бармену.

Двое старых приятелей молчали. Тот, что сидел спиной к выходу, уже обернулся обратно, но голова его была повернута так, чтобы самым краем глаза видеть нового гостя; наконец он прямо взглянул на своего друга и сказал:

— Что всё-таки произошло?

Друг его отпил большой глоток пива, откинулся на спинку и заулыбался. Казалось, он ждал этого вопроса еще до того, как закрылась входная дверь; по блеску в глазах, что появился не только от выпитого пива, можно было заметить, как внутри него собирается по кусочкам увлекательная история, как она зажигается от маленькой искорки воодушевления и, распалаясь всё сильнее, поднимается от груди всё выше и выше, неистово желая вырваться на свободу через уста.

— Да, — сказал он, — видать, ты и вправду давно не был в родных краях. В свое время эта история наделала много шума, даже местная газета выделила ей целую страницу, а из столицы собирались приезжать киноделы и снимать об этом кино, да как-то не вышло, и всё успокоилось. Теперь же история эта превратилась в байку, что рассказывают в разных частях города под стаканчик-другой пива, а на Димку смотрят так, будто он таким и уродился. А случилось вот что.

Как-то в один летний день, на городской площади в обеденное время, когда жизнь в нашем захолустье, если и не кипит, то, как минимум, испускает горячие пары, Димка, который, как ты помнишь из маминого дома и носа не высовывал, вдруг появился в самом центре людской толчеи. И если бы он просто появился, то, может быть, только и обратил бы на себя внимание пары человек, которые поинтересовались бы здоровьем его матушки, да и пошли дальше; но вот людской поток неожиданно остановился, и несколько десятков пар глаз, возможно впервые, устремились на Димку Петрова.

Ты же его помнишь в то время: высокий, худощавый блондин с голубыми глазами; мог бы вполне сделаться первостепенным парнем и мишенью всех девичьих взглядов, если бы не это глупое выражение лица, что, казалось, прилипло к его физиономии еще до рождения — целый половник дегтя в его бочонке с медом. Вот такой он и стоял на площади, растянув до ушей свою залихватскую улыбку и смотря на всех и в то же время будто ни на кого. Но застывшим на месте людям, что позабыли о своих делах и даже, кажется, утратили чувство голода, в этот момент было не до его улыбки.

Дело заключалось в его ногах, точнее в том, во что они были одеты; и нет, я не про одежду, тогда на нем были, возможно, те же штаны, что и сегодня; я говорю о том, что было поверх самих ног и штанов. Это было что-то вроде двух костылей из легкого металла: две параллельные балки, проходящие вдоль внешней стороны обеих ног; сверху они крепились к пояснице специальным ремнем, а снизу, тем же способом, крепко обхватывали щиколотки. В районе коленей был виден небольшой стык, сделанный, видимо, для сгиба; а пояс был усеян множеством маленьких и больших кнопок. Никто так и не знает, откуда у него взялось это чудо техники; кто-то уповает на божественный промысел, кто-то шепотом бормочет о тайных заморских изобретениях военных; но никто, абсолютно никто, не выдвигал и не выдвигает предположений, что это детище — дело рук самого Димки; впрочем, я тоже отношусь к их числу.

— Это что у тебя такое? — спросила женщина, что стояла к нему ближе всех.

— Это — подмога, — ответил Димка.

— Чего-чего? — спросил кто-то из толпы.

Вместо ответа Димка нажал на поясе несколько кнопок, и в тишине зазвучал мерный механический звук. В такт с ним Димка зашагал, высоко поднимая колени и выделявая небольшие круги перед публикой. По площади прошла волна удивленных возгласов; компания детворы тихо захихикала, тыча в Димку пальцами. Какой-то слишком любопытный мужчина решил осмотреть дивный механизм поближе и сделал широкий шаг вперед, наклоня свою любопытную голову. Завершая очередной круг, Димка, не заметив, наступил мужчине на ногу. «А-а-а-ай, — крикнул мужчина и принялся извергать из себя весь запас нецензурных слов».

— Что у вас тут происходит? — сказал внезапно откуда-то появившийся полицейский.
— Мужчина, кто на вас напал?

— Да вот, подмога его, — держась за одну ногу и прыгая на другой, процедил мужчина сквозь боль.

— Какая подмога, мужчина, что вы несете, вы что, пьяны?

Полицейский нагнулся и словно собака обнюхал потерпевшего.

— Да говорят же вам, — сказала женщина, показывая на Димку, — подмога!

И только в этот момент полицейский заметил виновника сего торжества. Недовольно глядя на предмет всеобщего внимания, подойдя к Димке, он сказал:

— Чем это ты тут занимаешься?

— Хожу, господин полицейский.

— Это я вижу, — полицейский подошел ближе, — а это у тебя что?

— Понимаете, господин полицейский, это подмога — специальный механизм для облегчения ходьбы. Нажимаешь пару кнопок, и ноги сами идут туда, куда пожелаешь.

— А тебе до этого разве трудно ходить было?

— Да нет, совсем не трудно.

— Зачем тогда тебе эта подмога?

— Но ведь легче же!

Полицейский нахмурился, как грозовая туча.

— Шел бы ты лучше работать, — сказал он.

Потом оглядел собравшуюся публику и громко добавил:

— Это всех касается! Чего встали, дел больше никаких нет?

Толпа людей всколыхнулась, как вода от брошенного камня. И все, будто проснувшись, снова отправились по своим делам.

С этого дня каждый вечер, примерно по два часа, а в особо хорошую погоду и по три, все жители города могли наблюдать Димку, который наворачивал бесчисленные круги по площади. Кто-то останавливался в удивлении; кто-то крутил пальцем у виска; а кто-то только хихикал и шел дальше.

И вот, где-то через неделю, стою я в огромной очереди в магазине, а передо мной его матушка с какой-то женщиной ведет оживленный диалог, хотя точнее, монолог. И нет, не подумай, друг мой, у меня и в мыслях не было подслушивать; ты же помнишь голос его матери: тут хоть уши затыкай, всё равно что-нибудь да услышишь.

«Он меня со своей подмогой, — говорила она, — скоро с ума сведет, ей богу! Как наденет вечером их, так и крутится битый час перед зеркалом, и так и этак повернется, чуть ли уж шею себе не сворачивает. А тут однажды захожу я к нему в комнату с утра, а он уже свои подмоги напяливает. Куда, говорю, собрался, не обедал даже еще. А он мне говорит: никуда, я в них по дому ходить буду. А на кой они тебе дома нужны, спрашиваю. А он: в них легче. Я прям не знаю, то ли плакать, то ли смеяться, и говорю: а до этого тебе что ли по дому тяжело передвигаться было? Он смотрит на свои подмоги, на меня ноль внимания и говорит: нет, вовсе не тяжело, но так легче. Легче, легче, говорю, а сама уже на кухню иду обед этому обормоту готовить. Через минут десять вновь захожу, а он, представляешь себе, прямо в своих подмогах на кровать улегся. Я прямо чуть там же и не упала, в глазах даже потемнело. Ты что это, совсем ошалел, что ли, говорю ему, куда в своих подмогах на постель чистую. А он свои ноги в подмогах этих на спинку кровати закинул и говорит: мама, ты ничего не понимаешь, так легче. Тут я не выдержала, ты уж меня пойми, и как начала клясть его, слов не разбирая, что аж стекла задрожали. Потом полотенце с плеча сняла и как хляснула по его подмоге. Он с кровати как ужаленный вскочил, и давай ногу свою со всех сторон осматривать. Потом голову на меня поднимает и чуть ли не кричит: ну чего тебе от меня нужно? Я прямо опешила как-то, растерялась было даже; никогда у него такого голоса не слыхивала. Потом уж в руки себя взяла и говорю: пошел бы ты лучше работать. А он мне: куда же я пойду? А я в его подмоги уставилась и отвечаю: видимо, очень далеко».

Уж не знаю, как мать его уговорила, тут ее очередь подошла, но через несколько дней, Димка и впрямь устроился на наш завод.

И вот, сижу я значит через пару дней после этого здесь же, прямо за этим же столом, отдыхаю, потягиваю пиво, наслаждаюсь тишиной, как смотрю — дверь открывается и входят заводские, а вместе с ними и Димка, всё в подмогах своих. Ну, думаю, наконец хоть товарищей себе нашел. Да только товарищи-то его за соседний стол сели, а он за стойку, да и еще спиной к ним. Ну, думаю, видимо, не заладилось товарищество, и попиваю себе спокойно дальше. Заводские за столом тоже не отстают: пьют потихоньку, о чем-то общаются, иногда даже смеются. А Димка-то, смотрю, насутился весь за стойкой и глотка даже не сделал. Вдруг он поворачивается кругом на табурете и соскакивает с него, только подмоги скрипят. Подходит к своим коллегам и говорит: «Ну что, устали?» Те ноль внимания, будто его и нет вовсе, дальше общаются, пьют, смеются. А Димка навернул пару кругов перед столом, видимо, чтобы уверенность нашагать, потом подошел почти вплотную к столу и повторил: «Ну что, устали?» А сам улыбку свою на лицо нацепил; да только смотрю, а улыбка не та как будто, словно он ее с другого человека снял и себе приклеил; с человека надменного, заносчивого, может даже и злого. И вот стоит он, значит, возле них, и только снова рот открыл, как один из мужиков, Вася его звали, не глядя даже на него говорит: «Конечно не устали! У нас же не работа, а курорт, только девочек с коктейлями не хватает». Все засмеялись. А Димка улыбку еще больше растянул и говорит: «А я вот, несколько не устал, еще бы сутки за станком простоял, всё потому что мои под...» — «А на кой нам твои подмоги, — говорит будто за всех Васька, — нам Бог ноги дал, мы их и используем, а на твои подмоги нам начхать». Чувствую я: жарко становится. Ну, думаю, что-то будет. Все сидят молчком, не шелохнутся. «Нет, вы всё-таки не понимаете, господа, — не унимался Димка, — как подмога облегчает жизнь. Ну вот, к примеру, нужно вам дойти до магазина, а до него добрых двести метров, а это — примерно двести пятьдесят шагов. Вы представляете, какая это нагрузка на коленные суставы, мышцы и сухожилия ног? А ведь еще нужно вернуться обратно, и при том с целым пакетом продуктов. И вы еще забыли

про спуск и подъем на этаж и, конечно же, неисчислимое количество шагов между магазинными полками. Ну а если вы, допустим, спортсмен, бегун на длинные дистанции, как бы вы хорошо не тренировались — через десяток километров у вас будут уже не ноги, а две тяжеленные каменные глыбы. А с подмогами вы сможете пробежать хоть всю страну. Так к чему же, господа, к чему же насиловать свой организм, когда можно положиться на что-то надежное и вечное, на то, что мне, может быть, тоже ваш Бог и послал?» Закончив свою тираду, Димка смотрел на мужиков, как профессор на первокурсников; потом развернулся и снова принялся наворачивать круги. Мужики пить продолжили, да только что-то уже никто не говорит, не смеется. Думаю: ладно, наверное, успокоится всё и тоже к стакану прикладываюсь; да не успел я и второго глотка сделать, как слышу — звон страшный, будто люстра хрустальная с потолка упала. Смотрю — Димка остановился и на Васькин стакан разбитый смотрит, а тот вскочил, размахнулся кулачищем своим и как врезал Димке по физиономии. Всё так быстро случилось, что я сначала всё это увидел, а только потом уразумел, что произошло. А как уж до конца додумал, так Димка уже вопить принялся и полицию звать, слава Богу, хоть не маму. «Убивают, — кричит, — помогите!» Тут дверь открывается, и впрямь полицейский вбегает, будто всё время за дверью и караулил. «Что тут у вас происходит? — кричит он». А потом смотрит на лежащего на полу Димку, и по глазам видно — всё понял. «А ну вставай, — кричит». А сам Димку тягает, да никак поднять не может: подмоги-то не сто грамм весят. Тут уж я вскочил и ему на помощь побежал. Кое-как мы его вдвоем подняли; а я на Димку как следует только в этот момент и взглянул, да чуть опять не уронил. У Васьки-то не кулак, а кувалда самая настоящая. И вот он этой кувалдой своей Димке бровь и рассек, а кровь так по лицу и струится, уж всю рубаху залило, страшно смотреть. Тут у меня в глазах потемнело, слышу только вокруг возня началась, видимо, тоже Димкину физиономию заприметили, да и еще под самым ухом Димка кричит: «Скорую мне, скорую. Умираю». А после: брань полицейского, скрежет стекла и сирена скорой помощи. Когда опомнился — никого уже и не было. Только мелкие осколки стекла под столом и плохо отмытая кровь напоминали о случившемся.

А Димка, тем временем, в больницу поехал, рану свою боевую латать. И вот в больнице этой... Нет, друг мой, ты не подумай, что я в нашем городе играю роль соглядатая, и что я сорвался тогда с бара и тоже в больницу полетел, чтобы не упустить ничего. Нет, о том, что было в больнице, я достоверно узнал от своего товарища-медика Мити, который Димке бровь в тот день и зашивал. И, прежде чем я продолжу рассказ, я бы не хотел, чтобы ты думал, что я любитель собирать сплетни, потому что всё это уже никакие и не сплетни, а историческое достояние нашего города, о котором тебе поведаст любой его житель. Так вот.

Приволокли, значит, полицейский с Васькой Димку в больницу. Мите его оставили, а сами вышли — поговорить. Митя на него взглянул и обомлел. Волосы взъерошены, половина лица в крови, рубаха вся в красную крапинку. И такой у него вид несчастный и побитый был, словно он только вернулся с проигранного по его вине сражения, что впоследствии повлекло к полной победе врага. «Ну что тут у нас, — сказал Митя скорее для того, чтобы тишину нарушить». А Димка сидит, молчит, только всхлипывает изредка. «Не бойся, — говорит Митя, — до свадьбы заживет». А Митя-то доктор первоклассный, свое дело знает. Так Димку заштопал, что теперь даже и шрама почти не видно. Да так увлекся своей работой, что подмоги заметил только когда нитку уже обрезал. «А это у тебя что? — спрашивает Митя». Димка уже успокоился, в себя почти пришел, брови свои подбитые нахмурил и говорит: «Подмоги это». Митя не расслышал, а переспросить постеснялся. Спросил только можно ли посмотреть. Димка ответил: «Можно». И вот Митя мне и рассказывает: «Смотрю я, значит, на приبلуду эту его и понять ничего не могу. Вижу, что что-то не так, а что именно — не знаю. И даже не в самой приблуде дело; я, как человек больше тяготеющий к человеческой физиологии, чем к новшествам современных технологий, сразу заприметил, что дело тут в самой ноге, а не в приблуде ее окружавшей. Дай-ка, думаю, отойду для лучшего обзора; делаю пару шагов назад и

снова смотрю. Поначалу думал, что с очками что-то; снял, протер, снова надел — то же самое. Димка-то парень здоровый, хоть и худой, но высокий, а ноги его будто с мальчишки какого сняли и ему прикрепили; брюки подвернуты несколько раз; ступни утопают в непомерно больших ботинках. Подхожу я к нему и говорю: «А вы, молодой человек, спортом каким-нибудь занимаетесь?» Он на меня такими глазами посмотрел, что я подумал: не обидел ли я его чем? Уже и извиняться надумал, а он как выпалит: «Я не приемлю насилие над своим телом». И давай мне что-то рассказывать, то про магазин, то про спортсменов. Я, честно говоря, мало что из этого понял; меня больше занимали его ноги. И вот, в эмоциональный пик его монолога, я взял иголку (право не знаю даже, что на меня нашло) и легонько ткнул через штанину ногу. Потом на него глядь — ноль внимания, только еще больше распалиться стал. Я еще раз, чуть посильнее, — тык. А он посмотрел на свои ноги в приблудах этих, схмурился весь и говорит: «Эх вы! А еще доктором зоветесь. Чего же вы с моими ногами забавляетесь?» — «Разве вы, — говорю, — ничего не...» — «С моими ногами полный порядок, доктор, — он постучал по своим подмогам так, как похлопывают по бокам любимую лошадь, — и порядок будет и впредь, вы уж не переживайте». Потом он с каким-то надменным злорадством впился взглядом в мои ноги и сказал: «Вам бы тоже, доктор, стоило бы призадуматься; пока вы по кабинету расхаживали, я заметил, что вы припадаете на левую ногу». Тут по человеческой логике мне следовало бы возмутиться, или оскорбиться даже, но я, друг мой, испугался, сильно испугался. Положил я иголку на стол, сказал Димке, чтобы подождал пару минут, а сам за глав.врачом побежал. Ну, думаю, случай небывалый, авось и премию какую выпишут. Да только как вернулся я с глав.врачом, который всё отнекивался, ссылаясь на занятость, а от Димки уже и след простыл. «И чего ради, — сказал тогда недовольно глав.врач, — вы меня со своими фантазиями и шуточками от работы отвлекаете? Доиграетесь, Дмитрий Иванович, до выговора дошутитесь». И ушел».

Уж не знаю: это ли всё стало причиной для Димкиной дальнейшей метаморфозы или нет; да только он после этого на свои подмоги с жадностью и даже с каким-то остервенением накинудся. Матушка его говорила, что он в них даже в душ стал ходить, а потом и спать прям в них же. А потом и вовсе дома появляться почти перестал, иногда и ночевать не приходил. И стали видеть Димку во всех районах города, будто в один и тот же час. Он после завода уже не ходил на своих подмогах, а бегал, как марафонец какой. Только и успевали заметить его улыбающуюся, надменно злорадную физиономию, потом оборачивались, — а его уже и нет.

«И чего он всё носится, — говорили в городе, — ему что, заняться больше нечем?» — «А я слышал, что он и на завод ходить перестал». — «Ну еще бы! На заводе же за станком стоять нужно. Как же он в своих подмогах на месте устоит?» — «А мне кажется: дурачится он просто, вот и всё». — «Матушку его жалко. Куда ж она теперь за ним угонится? Считай: сына потеряла». — «Дурачится? Он на прошлой неделе вокруг дома инвалидов битый час круги наматывал. Это по вашему значит дурачиться?» — «Нет, не доведет это всё до добра. Чувствую, что не доведет». И люди разбредались по своим домам. На город опускалась ночь, и только скрип Димкиных подмог нарушал ее тишину.

Но в один день всё изменилось. Этот день и стал роковым в жизни Димки Петрова. Стоял прекрасный, солнечный, августовский субботний вечер. Солнце, что нещадно обжигало днем непокрытые головы горожан, в этот вечер еще раньше уходило за горизонт, бросая последние лучи на городскую площадь, куда уже выбралось большинство жителей. Кто-то, стоя у фонтана, мило беседовал со знакомыми; кто-то, сидя на лавочке, кормил запоздалых голубей; а кто-то, заложив руки за спину, окидывая взором прелестный пейзаж уходящего лета, неторопясь прогуливался ради вечернего моциона. И каждый, прислушиваясь к своему потаенному чувству, таясь от других, а порой и от самого себя, ощущал необъяснимое волнение, и неизбежно приходил к одной и той же мысли: что-то не так. Может, солнце сегодня греет уже не так, как вчера? Или листья на деревьях вдруг побледнели? А может и я сам, постарев на день, чуточку

переменился. Но невдомек им — праздно беседавшим, сидевшим на лавочке и гулявшим для моциона, — что истинная причина их волнений заключалась не в солнце, не в листьях и даже не в них самих; и невдомек им было то, что человек склонен быстрее забывать то, что находится на поверхности памяти, прямо как человек, что ищет очки, которые носит у себя на носу.

И я, друг мой, в тот дивный вечер не пренебрег выйти на общую прогулку. И я, беседуя об отвлеченных вещах с товарищем у фонтана, ощущал скрытую перемену. Вдруг, нарушив приветливый ропот, чей-то голос крикнул: «Димка. А Димка-то где?» Все внезапно замолчали. Но молчание это продлилось недолго. Это имя, словно волной накрыло всех присутствующих, смыв всякий налет с их подозрений. «Точно, — сказал кто-то в толпе, — и где его носит? Каждый божий вечер здесь скрипел. Неужто устал наконец?» Все собрались у фонтана, буквально опьяненные этой волнительной переменой. Каждый высказывал свои предположения. Помню озадаченное лицо того самого полицейского, что, видимо, уже тогда что-то смутно подозревал; несколько раз он порывался вставить слово в общее переплетение голосов, но каждый раз его кто-то перебивал. Так и не успел он высказать свою мысль, потому что откуда-то со стороны неожиданно послышался нечеловеческий крик, скорее даже вопль. Все голоса разом стихли; глаза устремились в сторону страшного звука. Какая-то рядом стоящая со мной женщина вскрикнула, и крик ее, будто поглощенный приближающимся воплем, сразу же заглох; быстрым движением обеих рук, не глядя, она развернула детей, что стояли возле нее, на сто восемьдесят градусов. Недокуренная сигарета стлев до конца, обожгла мне пальцы, и только скинув бычок на асфальт, я заметил, что тела детей повернулись, а взгляд остался на том же месте.

Тем временем, оставив позади стороннюю тропинку, молодые березки и деревянные пустые лавочки, изо всех сил отталкиваясь от шероховатого асфальта разодранными в кровь на локтях и ладонях руками, медленно продвигался к фонтану тот самый Димка Петров. После каждого натужного толчка, когда его тело перемещалось на несколько сантиметров вперед, он громко и протяжно, крепко зажмурив глаза, принимался кричать. И что-то подсказывает мне, что даже пролетающая над верхушками деревьев птица, уловив этот крик своим чутким слухом, могла почувствовать, что боли в нем нет и в помине. Не было боли и в его стиснутых зубах, и в слезах, что ручьем лились из глаз, оставляя мокрые борозды на пыльных щеках. Во всем этом было что-то пострашнее, намного страшнее боли.

Когда он приблизился еще немного, оцепеневшие, не в силах сдвинуться с места люди (и я в том числе), заметили за Димкой волочащиеся по земле рваные брюки, будто ради приличия натянутые на пояс, и только в момент напряженного движения обессиленного тела в них можно было увидеть что-то отдаленно напоминающее человеческие ноги.

Первым опомнился полицейский; он подбежал к Димке и, попытавшись его поднять, случайно задел рукой то, что находилось под брюками; тогда он тут же брезгливо отпрянул, как от какого-то многолапого насекомого. «Она исчезла, — кричал Димка, — исчезла навсегда!»

В баре остались только двое друзей и мужчина неопределенных лет за стойкой, который всё еще цедил единственный стакан пива. Хозяин, стоя на том же месте, то и дело поглядывал на часы: пора было закрываться.

- Неужели это и вправду всё было?
- А я тебя когда-нибудь обманывал?
- Никогда!

Когда дверь за друзьями закрылась, мужчина за стойкой допил свое пиво, и его старческий лик озарился молодой улыбкой.

Январь 2025г.

Перед картами

В комнате было ужасно накурено. Густой серо-сизый дым, что медленно выходил из кончиков сигарет, казалось, не поднимался к потолку, а сразу зависал в воздухе, образуя такую плотную завесу, что на нее невольно хотелось опереться. Единственное окно было плотно закрыто и занавешено шторой; под потолком висела тусклая лампочка без плафона, свет от которой, с трудом пробиваясь сквозь сигаретный дым, не доставал до углов небольшой комнаты. Прямо под ней, за круглым столом, сидели трое молодых человек в ожидании четвертого. Один из них, огромными ладонями, тасовал колоду игральных карт; его губы, на грубом, словно выточенном из камня лице, крепко держали тлеющую сигарету. Оперевшись локтями о стол, здоровяк занимал чуть ли не всю его половину.

— Он мне еще тысячу должен, — сказал он, оставив колоду в покое, а сигарету в зубах.

— Не смей меня, — ответил толстяк с большим носом и пухлыми щеками, сжимающими уголки губ, от чего те принимали такую форму, словно он посылал вам воздушный поцелуй; толстыми пальцами одной руки он держал сигарету, а другой вытирал платком беспрестанно выступающий на лбу и шее пот.

— Я разве похож на шутника?

— Все мы знаем твои фокусы, — сказал толстяк, убрав платок и глубоко затянувшись, — как у тебя по чистой случайности или великому везению к концу игры оказываются именно те карты, что спасают тебя от проигрыша, а остальных топят с головой.

Здоровяк сжал губы чуть сильнее и смял фильтр сигареты.

— Это называется — мастерство, — сказал он.

— Мастерство? Нет, ты слышал? — толстяк обратился к парню в очках с такими юными, почти мальчишескими чертами лица, что казалось, ему нельзя не то что курить, а выходить из дома позднее десяти часов вечера; но он курил, курил наравне со всеми, и на обращение толстяка лишь кивнул, мягко улыбнулся и снова задымил сигаретой. Толстяк рассмеялся. — Он называет это мастерством; видать, ты сызмальства уже мастер. Помню, как ты принес в школу крапленую колоду и сказал: давайте сыграем, ребята, кто проиграет, тот будет делать за меня домашнее задание; да не бойтесь, сказал ты, когда на тебя все уставились, я, считайте, в первый раз в жизни карты в руки взял, да и если я проиграюсь, то ваше домашнее задание — мое. И что ты думаешь, — он снова обратился к парню в очках, — за одну перемену, он выбил себе освобождение от домашних заданий на целую неделю. Вот уж действительно — мастерство.

— Это была шутка, — сказал здоровяк, шурясь от дыма почти стлевшей сигареты.

— Так ты всё-таки шутник? — с трудом раздвигая щеки, губы расплылись в улыбке; не глядя, толстяк смял бычок в пепельнице.

Здоровяк, метнув в него взгляд серо-холодных глаз, чиркнул спичкой и задымил новой сигаретой.

— А еще, — сказал парень, которому с виду надлежало находиться в это время дома, — мне рассказывал наш одноклассник, как он проиграл ему свой обед в столовой. Вот он тогда намучался: ведь семь уроков, да еще факультатив. На физике с голодухи чуть двойку не схлопотал, — он аккуратно стряхнул пепел и глубоко затянулся.

Толстяк рассмеялся, откинувшись на стуле и чуть не завалившись с ним на пол.

— Еще факультатив, — его щеки казались вдвое шире, — и с голодухи двойку. Это какая же...

— И всё равно он мне тысячу должен, — сказал здоровяк, выпустив две стремительные струи дыма из носа.

Под затихающие раскаты смеха, толстяк расстегнул вторую пуговицу серой рубашки, что постепенно темнела от затылка к пояснице.

— А может две? — сказал он. — А то одной тысячи как-то маловато для такого мастера, как ты.

— Никакого мухлежа не было. Ты же был тогда, — здоровяк повернулся к парню в очках, и пепел упал на стол, — а ты в своих телескопах, небось, ничего не упускаешь.

Юнец положил сигарету на край пепельницы, поправил очки и снова взял ее.

— Нет, — сказал он, — тут ты что-то путаешь, меня тогда не было. В тот день матушка затеяла генеральную уборку, так я с губками, тряпками, ведрами чуть ли не до самой ночи проносился, так умаялся, что ни о какой игре и картах не было сил и думать, так и завалился спать, когда еще десяти не было. Следующим утром только глаза насилу по будильнику открыл, а она, матушка, уже заходит и говорит: ты убираться-то вообще собираешься? Опять всю ночь прошлялся.

Толстяк снова расхохотался, повалился на стол и чуть не снес полную пепельницу.

— Генеральная, — говорил он сквозь смех, — вот генеральная уборочка выдалась до самой ночи, — он хотел затянуться сигаретой, но новая волна смеха выбила ее из его пальцев. — Слушай, — сказал он, чуть отдышавшись, — в клининговую контору тебе путь заказан. И да, — он посмотрел на здоровяка, который раскуривал новую сигарету, — кажется, кому-то еще необходимы телескопы.

Парень в очках выпускал дым через довольную ухмылку.

— Я не виноват, — сказал здоровяк, — что он не умеет играть.

— Ах, ты не виноват, — сказал толстяк, обмахиваясь газетой, — точно, извини, совсем забыл, что ты невинное, безгрешное существо, — он ухмыльнулся, — считай святой человек. И как я только посмел ставить тебе что-то в вину?

— Согласен, — сказал парень в очках.

— Ты на что намекаешь? — здоровяк повернулся к нему.

— Ясно на что... — юнец осторожно потрогал не до конца заживший шрам над бровью.

— Но он первый задел меня плечом.

— Да, — сказал толстяк, бросил газету и затянулся сигаретой, — а еще он первый упал физиономией на твой кулак. Случайно. Споткнувшись. А так неплохой малый, если бы не такой неуклюжий.

Парень в очках, забыв о потухшей сигарете, потирал шрам.

— А еще, — продолжал толстяк, — дай зажигалку. Спасибо. А еще, готов поспорить, ты не знал о том, что неподалеку притаилась целая орава его дружков, которые, тоже, конечно же, изъявили свою неудержимую охоту потереться лицами о костяшки твоих пальцев. И как они между собой только не подрались за первенство в очереди?

— Я защищал вас, — сказал здоровяк.

— Защищал? — толстяк ухмыльнулся. — Вот защитничек нашелся, — он потушил сигарету, — даже не знаю, что бы мы без тебя делали. Да от такого защитника, пожалуй, еще защитник нужен.

— А что я по твоему должен был делать? — спросил здоровяк. — Начать хныкать? — он посмотрел на парня в очках.

Тот шарил по карманам в поиске новой пачки сигарет.

— А зачем нужно было сразу завязывать драку? — спросил он. — Неужели нельзя было договориться мирным путем?

— Ага, — ответил здоровяк, закуривая, — а потом пойти, обнявшись, гулять и распивать чай с конфетами.

Толстяк рассмеялся.

— А еще, — сказал он, — обменяться номерами телефонов, чтобы приглашать друг друга в гости на дни рождения и все праздники в году, а потом...

— Скажи спасибо за то, что у тебя всего один шрам и что ты вообще на ногах ходишь.

— Спасибо, — тихо ответил парень в очках, разглядывая кончик тлеющей сигареты.

— Спасибо, — подхватил, улыбаясь, толстяк и сидя поклонился.

Все молча одновременно затянулись сигаретами. Вместе со столом они будто витали в огромном сером облаке, так высоко над землей, что не было видно ни домов, ни дорог, ни людей; вдали от всех житейских проблем и забот; вдали от людских голосов и мнений. Каждый со своим ворохом недовольств и упреков друг к другу, но всё же ни один из них не мог представить себе жизни без другого.

— А ты бы поменьше смеялся, — нарушил тишину здоровяк, обращаясь к толстяку, — не он один у меня в должниках ходит.

Тот поднес было сигарету к своим пухлым губам, да так и застыл с ней, округлив глаза.

— Я? — сказал он. — Это ты про меня?

Здоровяк сверлил его взглядом. Парень в очках насторожился, машинально поправил очки и затянулся.

— Да что же я тебе должен? — спросил толстяк, стряхивая пепел дрожащей рукой.

— Каждый поход в магазин одно и то же, — ответил здоровяк, оперевшись локтями о стол, — вечно клянчишь денег на всякую ерунду, лишь бы брюхо набить.

Толстяк вытер пот мокрым платком.

— Да я... — сказал он.

— Ты, ты!

— Да может один раз было, — залепетал толстяк, — ну, может, два, два раза.

— Каждый, каждый раз, — здоровяк вдавил сигарету в пепельницу. — Да ты как в дверь вообще проходишь? Посмотри на себя: щеки, пузо, платок хоть выжимай; а всё жрешь и жрешь, как не в себя. Фу, — он откинулся на спинку стула, — и за одним столом сидеть противно.

— Ребята, — сказал тихо парень в очках.

— Нет, ну это уже слишком, — возмущенно начал толстяк, — мало того, что записал меня в должники, так еще и нанес мне личное оскорбление. Да знаешь, что я о тебе вообще думаю? Ты...

— Ребята, успокойтесь, — громче сказал парень в очках.

Но вдруг в прихожей щелкнул замок; затем послышались шаги и в дверном проеме появился парень в белой рубашке и брюках.

— Бог ты мой, — сказал он, — и чего здесь так накурено? Хоть топор вешай, — он прошел к окну, отодвинул штору и настежь открыл его, впуская в комнату поток свежего воздуха; табачная завеса стала терять свою силу. — На полчаса всего вышел.

Он посмотрел на стол, на лежащие на нем карты, на переполненную пепельницу и сказал:

— Ты здесь за троих что ли курил?

Май 2025г.

Мой самый лучший рассказ

И на этом его рассказ подошел к концу. Он поставил точку. Жирную точку в веренице бессонных ночей, бесчисленном количестве исписанных белых листов и неравной борьбе с капризным вдохновением. Теперь всё это было позади. Синяя шариковая ручка, выводящая последние слова на исходе своих чернил, теперь покоилась на столе. И только глубокая вмятина на среднем пальце правой руки, будет еще долго напоминать о старой, крепкой дружбе.

Но всё это было ему невдомек: какая разница, что происходит сейчас? И уж тем более, что будет потом. Когда перед ним лежит его творение, детище, которое он вынашивал долгие дни и недели: переписывал целые абзацы, передвигаясь из угла в угол; менял местами предложения, напрочь забыв об обеде и ужине; а однажды даже сжег все свои рукописи до единого листа, чтобы начать всё сначала. А уж закончив, оттачивал каждое слово, шлифовал все перипетии сюжета, каждый взгляд, шаг, вздох своих персонажей так, что иной раз чудилось, будто все они, беспрепятственно и чувствуя себя как дома, передвигаются по его комнате, разговаривают о чем-то своем, ругаются, спорят, смеются, и даже не замечают его присутствия.

— Скажи, милый, мне идет эта шляпка? — мелодичным, звонким голосом говорила одна дама, находясь в двух метрах от письменного стола.

— Конечно, конечно, — отвечал поджарый мужчина, стоя возле окна. — Эта, и все остальные тоже!

Она отвернулась, пряча самодовольную улыбку.

Он украдкой глянул в свой кошелек.

А когда им наскучила маленькая, унылая комната своего создателя, — они вернулись на белые страницы, чтобы застыть и остаться на них навсегда.

«Это мой самый лучший рассказ», — сказал себе молодой писатель, совсем не пряча самодовольной улыбки и вовсе не скрывая гордого взгляда, который накрывал ворох белых листов. Он любил этот рассказ от первой буквы до последней поставленной точки. И ему было не стыдно в этом себе признаться. Он готов был показать его всему миру, чтобы тот разделил с ним его радость. Но для начала не помешало бы показать его кому-нибудь из своих друзей. С этой мыслью он накинул на себя пальто и, перепрыгивая через две ступени, направился к своему первому читателю.

— Так, так, так, — сказал мужчина массивного телосложения, восседая за не менее массивным рабочим столом, — значит, новый рассказ написал?

— Написал! — торжественно ответил писатель.

— Ну, откровенно говоря, — грузная физиономия мужчины развернулась к грудe лежащих рядом бумаг, — у меня сегодня еще много работы...

Не закончив фразы, он осторожно взглянул на своего друга, боясь увидеть в его глазах разочарование, но еще больше он боялся услышать в его повторной просьбе прочесть рассказ — мольбу. Он уже было пожалел о сказанных словах, пожалел даже о том, что именно в этот день на него свалилось столько работы, как заметил, что в лице напротив даже мельком нельзя было уловить ничего из перечисленного выше, даже больше: глаза, что предположительно уже должны были устремиться в пол, дабы скрыть обидный, горестный блеск, были направлены прямо на него, в них застыла непоколебимая уверенность и решимость; а сомкнутые губы, вместо того, чтобы трепыхаться под гнетом умоляющих фраз, всем своим видом выражали твердость намерений. Только тогда мужчина понял, что знакомство с новым рассказом его друга состоится именно сегодня и именно в данный момент.

Следующие несколько минут были наполнены напряженным молчанием. С высоты шестого этажа офисного здания был слышен нескончаемый гул машин, который, словно коло-

кол в глухом поле, перебивал звук тикающей стрелки часов, висевших над массивным рабочим столом. Было не совсем ясно, какие чувства и эмоции выражает эта тучная, слегка заплывшая, но притягательная физиономия старого друга. Время от времени мужчина хмурил свои густые брови, широко открывал глаза и так близко смотрел на рукопись, будто не мог разобрать почерк. Однажды он даже слегка хмыкнул и чуть подтянул уголки своих толстых губ. Еще через несколько минут, которые всё громче и громче отмеряли часы, чтение было наконец окончено. Мужчина аккуратно положил рукопись на стол, снял очки и стал тщательно протирать глаза.

Писателю, сидящему напротив, показалось, что он хотел зевнуть, или даже легонько, вполсилы зевнул про себя, но от этой догадки он сразу решил отказаться: после такого чтения зевать может только человек, который совсем не умеет читать.

— Ну как? — с нетерпением спросил молодой писатель.

— Ну... — тихо и монотонно прозвучало в ответ. — Что я могу сказать, друг мой. Проза недурна собой. Как сказал бы Хемингуэй: «Чиста и честна». Но... — он снова недовольно посмотрел на грудку лежащих бумаг, будто они были лишними свидетелями тайной беседы. — Мне непонятна одна вещь: почему персонаж в начале этой сцены, — он ткнул пальцем в одну из страниц рукописи, — говорит такую несуслазницу?

Писатель тем временем молча смотрел на своего приятеля, будто тот говорил на другом языке.

— Ну кто так объясняется в любви? — не дождавшись ответа, снова зазвучал низкий басистый голос. — Разве что ученик третьего класса или вовсе человек, никогда не знавший настоящих любовных чувств.

Неожиданно он схватил ручку и двумя размашистыми движениями перечеркнул страницу с вымученным, несколько раз переписанным диалогом, затем сдвинул густые брови и еще раз, сверху вниз пройдясь глазами по исписанному листу, скомкал и бросил его в урну возле стола.

Молодой, подающий надежды — по его скромному мнению — писатель не успел еще проводить и попрощаться с частичкой своего выношенного детища, как его друг уже выхватил из того бедлама, что творился на столе, чистый, белый лист бумаги и быстро начал выводить на нем какие-то слова. В это время на его крупной физиономии заиграла улыбка щедрого мцената, жертвующего крупную сумму детскому приюту; а у его талантливого приятеля на лице застыла гримаса человека, вернувшегося домой и обнаружившего свою подружку в объятиях лучшего друга.

Через пятиминутную пляску шариковой ручки, когда терпение молодого дарования уже подходило к концу, вместе с ним подошло к концу и место на белом листе бумаги, и когда оно наконец закончилось — ручка отправилась на заслуженный покой, а ее обладатель, протянув свое творение другу, сказал:

— Вот! — новое виденье любовного диалога заколыхалось, словно последний осенний лист. — Вот как нужно объясняться в любви!

Мужчина встал, дав понять, что их встреча подошла к концу. Лист, еще недавно девственно чистый, плавно перешел в руки нового владельца и присоединился к своим собратьям.

— Спасибо, — только и успел вымолвить молодой писатель, прежде чем дружеские ладони схлестнулись в крепком рукопожатии, и массивная дверь закрыла собой вид маленького кабинета, массивного стола и его не менее массивного обладателя.

Когда писатель спустился с лестницы офисного здания, осенняя погода решила показать себя во всей красе и зарядила небольшой, но настойчивый и до жути неприятный дождь. Такой, что почти не чувствуешь, но после десяти минут спокойной прогулки с удивлением наблюдаешь, что промок до нитки.

Сцена в офисе старого друга произвела на него противоречивые чувства. С одной стороны, он был немного раздосадован тем, что его приятель так резко и негативно отозвался о его любовном диалоге, на который он потратил немало времени и душевных сил, описывая свои первые юношеские любовные переживания; с другой стороны — он был бесконечно благодарен другу за то, что тот вызвался его исправить, тем самым сделав его рассказ более совершенным.

Эти и еще другие мысли тяготили его, когда он спускался в один неприглядный, запустелый бар, чтобы переждать нескончаемый, опротивевший дождь.

— Кого я вижу! Это же наш молодой талант, будущий Фрэнсис Скотт Фицджеральд! — прозвучал возглас с дальнего края барной стойки.

Немного раскрасневшись, но всё же польщенный таким сравнением, писатель подошел к говорившему и сел рядом на высокий барный стул.

— Так, зашел переждать дождь, — неуверенно прозвучало в ответ.

— А я было подумал, что для вдохновения решил посетить низы обывательского общества.

По бару разнесся раскатистый смех.

— Да ладно ты, не смущайся. Я же помню, какие байки ты травил в колледже, а уж что писал потом... — он на секунду умолк, глядя в почти пустой стакан. — Ну, колись, есть что-нибудь новенькое? Свежее для печати или для старого друга из студенческой молодости.

Писатель всё же смутился. Их тесное общение закончилось в день окончания колледжа, и ему было непривычно слышать от старого однокашника, с которым они виделись максимум раз в год, и то случайно, такие лестные слова. В них он улавливал нотки насмешливости, но виду решил не подавать.

— Ну, — еще более неуверенно сказал писатель, — есть одна вещица, новая, свежая, еще даже не напечатанная.

И с этими словами он протянул своему некогда хорошему другу рукопись своего нового рассказа.

— Так, так, так, — сказал некогда хороший друг, допив остатки своего напитка, — сейчас мы это прочитаем. Буду надеяться, что это не хуже «Молодого богача» или, как минимум, «Снегов Килиманджаро».

Прежде чем приступить к увлекательному чтению, он заказал еще один стакан крепкого, неразбавленного напитка.

Читал он медленно. И так же медленно, время от времени прикладываясь к стакану, пил свое любимое виски, будто спустил на него последние деньги и теперь старался как можно дольше продлить удовольствие. Прошло по меньшей мере не менее десяти минут, прежде чем горячительная жидкость в его стакане подошла к концу вместе с вереницей слов, что описывали новую историю его товарища.

— Ну... — громко сказал давний друг писателя. — Недурно, друг мой. Недурно. А вот этот диалог, — он ткнул пальцем в то самое переписанное место, — который почему-то написан другим почерком, вообще — вершина твоей литературной карьеры! Вот бы побольше страниц ты писал этим почерком. Но что твои персонажи пьют? Чай, кофе, а на дне рождения главного героя вообще балуются вишневым лимонадом. Где ты вообще такое видел? Вычитал в одной из своих старых книжек? — он рассмеялся, дивясь своему остроумию. — Дай-ка мне карандаш, а лучше ручку, да пожирнее и поярче.

Когда желаемый канцелярский предмет оказался в его руках, он методично стал зачеркивать все напитки и писать над ними слово «виски». Он так увлекся своим творческим занятием, что не заметил, как превратил невинную, детскую посиделку со сладким чаем и пирожными в настоящую попойку несовершеннолетних.

— Ну, вот, теперь намного лучше и веселее!

Он протянул писателю рукопись с таким видом, будто совершил невиданный подвиг, который спас ему жизнь. Потом потянулся к стакану, с желанием испить любимого напитка, но обнаружив, что он абсолютно пуст, положил ручку на барную стойку и встал, дав понять, что его одинокая пирушка подошла к концу.

— Ну, удачи, будущий Фрэнсис Скотт Фицджеральд! — изрек с серьезным лицом бывший однокашник писателя, прежде чем бросить на стойку пару денежных банкнот и с грохотом закрыть за собой дверь.

Дождь не прекращался. Он всё так же прибивал к земле желтые, опавшие листья, не давая им шанса сгореть под жарким огнем бабьего лета, которому, по всей видимости, в этом году наступить было не суждено. Писатель больше не пытался ему противостоять и укрыться под навесами города. Он слишком устал. Он просто хотел домой.

«Как же приятно стоять под горячим душем», — мысль, что раз за разом проносилась в его голове. Как же приятно было смыть с себя весь этот день: шум большого города, грязь неубранных тротуаров, высоту офисного здания и тяжесть взгляда массивного товарища за не менее массивным столом. Как же было приятно отправить в слив вместе с горячей водой пропахший сигаретами и дешевыми спиртными напитками воздух удушливого бара и смех старого, некогда любимого друга. Лишь одна мысль грела молодого таланта: с минуты на минуту должна была придти его любимая девушка Маша и окончательно уничтожить всё то, что сегодня ему пришлось пережить.

— Я даже не слышал, как ты вошла, — сказал он, наконец улыбнувшись.

Маша сидела на диване, скрестив под собой ноги, и отвлеченно смотрела в закрытое окно, по которому наперегонки скатывались капли дождя. Ее мокрые, светлые волосы тяжелыми прядями лежали на хрупких плечах: она никогда не носила с собой зонт, веря в то, что именно он притягивает дождь, но раз за разом дождь притягивало что-то другое.

Услышав голос своего возлюбленного, она встрепенулась и, наконец оторвавшись от окна, посмотрела на него своим светлым, глубоким взглядом, который был теплее любого жаркого, летнего солнца.

— Ну еще бы, — сказала она, улыбаясь в ответ, — с таким напором воды ты бы не услышал даже если бы в дом вошли воры и украли всю твою библиотеку.

Они оба рассмеялись. Он был так увлечен созерцанием ее прекрасной натуры, что даже не заметил в ее руках своей новой рукописи, которая сопровождала его весь этот скверный день.

— Я тут увидела на столе твой новый рассказ, — сказала Маша, перелистывая страницы, — и уже успела его прочесть, и знаешь, он совсем неплох! Любовный диалог написан очень смело и чувственно, я вообще не знала, что ты можешь так объясняться в любви. И наконец-то твои герои повзрослели: вышли из возраста чаепитий и тихих посиделок; а от сцены с детьми вообще веет подростковым бунтарством. В общем, мне кажется, что это — твой самый лучший рассказ! — она улыбалась горделивой улыбкой, не замечая настороженного взгляда писателя. — И да, кстати, — добавила она, поднимаясь с дивана и кладя рукопись на стол, — я исправила там кое-какие моменты, так скажем, сгладила углы, надеюсь, ты не против.

С этими словами ее миниатюрная фигура скрылась в дверном проеме кухни. Она включила свет и загрохотала посудой.

Писатель снова, в очередной раз за день, взял рукопись и принялся пробегаться взглядом по словам, которые складывались в предложения, запертые, словно в клетке, точками с обеих сторон. На его лице уже не застыла гримаса человека, вернувшегося домой и обнаружившего свою подружку в объятиях лучшего друга, на нем застыла гримаса человека, вернувшегося домой и обнаружившего ее бездыханное тело.

Писатель, молодое дарование и многообещающий талант, порвал в клочья свой новый рассказ и выбросил его в мусорное ведро.

После он пошел на кухню, там как раз закипал чайник.

Май 2023г.

Падать с закрытыми глазами

У Анатолия Федоровича случился удар. Уже не первый.

Предыдущий застал его спустя всего две недели после празднования шестидесятилетнего юбилея; сидя в кино и наслаждаясь просмотром новой картины любимого режиссера, он внезапно ощутил сначала легкое покалывание в груди, а после заметил, что лица актеров на экране начали расплываться. Когда всё уже произошло и люди принялись вставать со своих мест, Анатолий Федорович, невзначай, с горечью подумал о том, что видимо так и не узнает, чем закончится эта кинокартина; а после сразу же потерял сознание.

Позже он не раз возвращался к этой ситуации и с недовольством корил себя за подобные мысли. «Что еще за глупость,— говорил он себе,— в последний миг своей жизни, имея взрослых детей, маленьких внуков и память об умершей жене, подумать и расстроиться по поводу какого-то фильма, пусть даже и от любимого режиссера».

Теперь же он был не в кинотеатре, а дома, в своей уютной гостиной, где с предметов интерьера еще не стерлась рука жены, а стены еще хранили в себе отзвуки детского смеха. В этот раз он был совершенно один; и почувствовав знакомую боль, что зарождалась где-то в середине груди, первое, что он подумал: это конец. И не только потому, что рядом не было никого, кто мог бы вызвать скорую или оказать первую помощь; скорее в самом характере боли, потому как она нещадно ударила его в грудь, было что-то роковое, как глухой звук, с которым рвется струна посреди мелодичного соло. Но машинально схватившись правой рукой за сердце, Анатолий Федорович, в последний свой миг, снова не подумал ни о детях, ни о внуках, и даже ни о жене; последняя мысль перенесла его в далекий день беззаботного детства.

Будучи непоседливым мальчуганом, маленький Толя, когда родители уходили вместе в магазин, взбирался, словно на гору, на спинку диванного кресла, упирался лопатками в стену и, как следует оттолкнувшись, летел вниз, представляя себя то смелым десантником, то свободно пикирующей птицей. Совершенно позабыв о соседях с первого этажа и отбитых пятках, он снова отправлялся на свое восхождение.

Больше всего, после самого полета, конечно же, ему нравилось взобравшись на вершину, смотреть на будто выплывший из-под балкона двор с детской площадкой; он чувствовал себя шпионом, посланным следить за соседскими детьми; потом, словно заметив опасность, он снова летел в свое укрытие.

После очередного приземления, Толя поймал себя на мысли, что в момент каждого полета он неотрывно приковывает взгляд к полу. «Что за глупость,— говорил он себе, — я же секретный агент или птица свободного полета, а им, храбрецам, не обладающим страхом высоты, явно нет нужды смотреть вниз». Так он подумал и снова взобрался на спинку диванного кресла. И чтобы еще прочнее укрепиться в ряду смельчаков всея планеты земля, он решил, что и вовсе будет падать с закрытыми глазами.

Закрыв глаза, Толя оттолкнулся изо всех сил и вдруг почувствовал, как его тело наполнила необычайная легкость, будто кто-то по щелчку пальцев отключил земное притяжение и он повис в воздухе. Ему даже захотелось открыть глаза, но он сразу подумал, что это действие претит духу настоящих смельчаков, и только посильнее зажмурил их и выставил в стороны руки. Каким же прекрасным было это чувство невесомости: оно покалывало кончики пальцев, перехватывало дыхание, ускоряло биение Толиного сердца. Ему вдруг вспомнился пустынный берег моря на закате дня и одинокая чайка, что кружила и кружила над водой, не в поисках чего-то, а исключительно для собственного удовольствия. После она перестала кружиться и, расправив крылья, полетела вдоль берега навстречу закату. Последний луч солнца прошелся по ее белоснежным перьям, и темень ночи скрыла ее навсегда, оставив лишь привкус чего-то несбыточного, но такого манящего.

Но, к сожалению, даже ни одной птице не суждено летать вечно, что уж взять с мальчика, прыгающего с диванного кресла.

Ему показалось, что это не он достиг пола, а сам пол, со всего размаху, больно ударил по его незащитному телу. Некогда крепкие ноги, обессилев в полете, подогнулись; почувствовав боль в коленях, Толя открыл наконец глаза, и первое, что он увидел — причудливый узор на коричневом ковре, который приближался со стремительной скоростью. Его маленькая голова, будто раскололась надвое, в ушах загудело, глаза накрыла темная пелена. И тогда Толя, забыв о своих храбрых мечтах, заплакал. Заплакал горько и протяжно, скорее не от боли, а от обиды.

Этот плач всё еще звучал в ушах Анатолия Федоровича. Его тело на мгновение стало будто чуточку легче; в затухающем взгляде всё еще стоял будто выплывший из-под балкона двор, но вскоре исчез и он вместе с последним огоньком жизни.

Январь 2025г.

Человек из тени

Посвящается С.И.Кузнецову.

— Дед, а дед, а Расскажи еще про человека из тени!

В ответ послышалось лишь мерное сопение.

— Дед, а дед, я же знаю, что ты не спишь! У тебя вон на скрещенных ладонях большие пальцы так и ходят вокруг друг друга.

Внезапно глаз на профиле открылся.

— Человек из тени, — голос нарочито серьезный, — не любит, когда про него слишком часто рассказывают. Он, согласно своему имени, предпочитает держаться в тени.

По двору проехала машина и на несколько секунд вырвала светом фар противоположную стену из темноты.

— А ты Расскажи тихо, — маленькие глазки метнулись в самый темный угол комнаты, — чтобы он не услышал.

— Человек из тени слышит всё, что происходит в тени, потому что он — и есть тень!

— Сегодня же суббота! Должен же человек когда-то отдыхать, даже если он сама тень.

Губы под густыми усами тронула улыбка.

— Ну хорошо, будем на это надеяться. Если я снова Расскажу тебе про человека из тени, ты обещаешь крепко спать всю ночь и не будить меня, нанимая в провожатые до туалета?

— Конечно, буду спать, как младенец! — ответил внук и покосился на маленький фонарик, стоявший на тумбочке.

Воцарилась тишина. Занавес поднялся, и первый сигнал был дан: отчаянный скрип дивана, а за ним сразу второй: разглаженные густые усы. Внук наострил уши и поднял одеяло до подбородка. Все приготовления были сделаны, и бархатистый голос стал заполнять темную комнату.

— Случилось это в одном небольшом тихом городе нашей области много лет назад.

Человек из тени тогда еще был обычным парнем, верным другом и душой любой компании и ни к какой тени отношения не имел, даже напротив — всегда держался на виду, любил свежий воздух и зарево летнего солнца.

Приятная его наружность не была не замечена противоположным полом: девичий взгляд то и дело проскальзывал по его благородным чертам лица и волнистым светлым волосам; а когда их обладатель, словно охотник в свои сети, ловил этот взгляд, то глаза тут же робко, но и с благодарностью опускались.

Возрастом несколько постарше тебя, он был не по годам умен и добр: неразрешимых задач для него не существовало, а печаль и скуку своих товарищей он всегда спешил рассеять какой-нибудь шуткой или историей, коих в его багаже было с избытком. Но, к сожалению, его светлым дням была суждена короткая жизнь: за ярким закатом, что казался продолжением длинного дня, последовала беспроглядная долгая ночь.

В самом начале сентября Человек из тени — настоящее его имя уже навсегда стерлось из памяти людей — вступил на последний курс местного училища. Когда солнце уже село и зажглись фонари, он, засидевшись в библиотеке и потеряв счет времени, возвращался домой обычной дорогой через сквер. Удовлетворение от выполненной работы и мысли об уютном доме зажигали внутри него теплый огонек, что согревал от пронизывающего осеннего ветра. Но вдруг, когда сквер почти подошел к концу и стал виден угол его дома, он услышал позади себя пронзительный женский крик, зовущий на помощь. Без промедления он развернулся и стремительно направился к источнику отчаянного зова. Уличный хулиган, грабитель человеческого спокойствия, пытался завладеть сумкой молодой девушки, что крепко вцепилась в свое законное имущество. Только мельком узрев данную картину, будущий Человек из тени, ничего

не подозревая, ринулся на помощь. Больно ударив хулигана в грудь, он чуть было не повалил его наземь, но злость и наглость молодого разбойника послужили ему видимо дополнительной опорой, и вместо того, чтобы упасть ничком, он только слегка отшатнувшись, достал из кармана нож. Новый залп женского крика разлетелся по всему скверу, но молодой спаситель уже вряд ли его услышал. Крепкий, но еще растущий организм был не в силах противостоять сверкающему в свете фонаря острию длинного клинка. Алая молодая кровь пролилась на остывшую, влажную после дневного дождя землю. Сделав несколько нерешительных шагов в недостижимую фонарями зону сквера, падая в груды опавших листьев, последнее, что увидел поверженный спаситель, — удаляющуюся хулиганскую спину. Когда девушка, отойдя от шока и сметнув в сторону страх, опустилась к мокрым листьям, — в них уже никого не было. Абсолютно никого, кроме тени, которая напоминала собой очертания молодого человека, а утром, когда еще сонные птицы возвещали о начале нового дня, первые лучи восходящего солнца прогнали ее вместе с ночью.

Вот именно в тот день, а точнее ночь, и появился Человек из тени.

Поначалу его видели только в этом сквере — странного вида человека в длинном плаще и широкополой шляпе, надвинутой на глаза так, что темноту под ней, казалось, не сможет пробить даже самый мощный фонарь. Он стоял на том самом месте и, утопив руки в карманах плаща, безмолвно взирает то на опавшие листья, то на снег, то на пробивающуюся траву. Каждый, кто его видел, тут же отводил взгляд и убеждал себя, что это лишь игра воображения рисует причудливые образы в темноте, потом опускал голову и ускорял шаг. Никто не желал признаться кому-то, а тем более самому себе, что он видел Человека из тени. Неизвестно, какие мысли теснились у него в голове и какие чувства обуревали его душу, но в чуть сторбленной позе и склоненной к земле голове была будто сосредоточена вся печаль этого маленького городка, точно последняя бессонная ночь перед безвозвратным уездом из дома.

Примерно через год, когда все свыклись с привычкой не замечать темных частей сквера или по возможности обходить его стороной, произошел один случай, который оказался первым звеном в цепи событий, изменивших этот город до неузнаваемости.

Поздним вечером мужчина, задержавшись на работе, возвращался домой. Шаг его был чуть ускорен: по телу расплзалась усталость и голод. Вдруг он услышал позади себя тихие, семенящие шаги. Оглянувшись, мужчина увидел дворовую собаку, явно не менее голодную, чем он сам. Не успел он ее еще как следует осмотреть, как из-за кустов выбежала еще одна, а за ней сразу же и третья. Мужчина всё больше ускорял шаг, пытаясь не выдавать свою панику, что уже успела завладеть им. Собаки, тем временем, не отставая, принялись заходить сразу с двух сторон. Послышалось злое рычание; в свете фонаря сверкнули острые клыки. Этого оказалось достаточно, чтобы мужчина, уже завидя на горизонте свой подъезд, не выдержав, бросился бежать. Собаки, учуяв сладкий запах страха, бросились в погоню. По двору прошелся громкий трезвучный лай. Вбегая в темный подъезд и через три ступени взбираясь на пятый этаж, мужчина, почувствовав натяжение низа брюк, уже прощался с жизнью, как вдруг собачий лай разом затих, словно кто-то повернул рубильник. Овернувшись и несколько секунд привыкая к темноте, мужчина увидел, что все три собаки спокойно стоят на площадке подъезда, будто зашли переждать непогоду. Но спокойствие и радость неожиданного спасения не успели дойти до мужчины, кое-что пострашнее ударило по его и так уже расшатанным нервам: возле собак стоял Человек из тени и поглаживал одну из них своей темной ладонью. Мужчина широко открыл глаза полные ужаса, отпрянул в сторону и чуть не упал в попытках совладать со слабостью в коленях. Если бы у него было хотя бы немного больше сил, — он бы закричал, но их хватило лишь на то, чтобы последним рывком преодолеть оставшиеся этажи и с грохотом закрыть дверь. Всю эту ночь все комнаты его квартиры были ярко освещены.

Следующий случай произошел несколькими днями позже. У одной молодой семьи недавно родился ребенок. По заведенной традиции он принимался просыпаться и плакать

практически каждую ночь. И вот, когда он, лежа в своей кроватке, снова завел свою младенческую песнь, уставшие родители поднялись не сразу. Раскрыв заспанные глаза, они принялись вспоминать, чья сейчас очередь идти успокаивать ребенка, но не успели они еще принять окончательного решения, как плачь неожиданно сменился тишиной, а затем и мелкими детскими смешками. Отец семейства, недоумевая, поднялся с постели и чуть было снова в нее не упал. Возле кроватки стоял Человек из тени и изображал своими длинными пальцами птиц. Молодая мама, только мельком взглянув в сторону своего ребенка, тут же закричала. Вся семья нещадно жгла электричество всю ночь.

После этого по городу стали проходить недобрые слухи. Люди принялись переговариваться между собой исключительно в ярко освещенных помещениях.

— Как-то отключили у меня электричество, — говорил сторож пищевого склада, — я испугался: как бы в такой темени весь товар не растащили. А потом смотрю, — глаза рассказчика округлились, — а там ОН стоит, прям напротив входа.

Все собравшиеся, вспоминая свою собственную встречу с Человеком из тени, понимающе закивали.

Вскоре после нескольких таких собраний в местном магазине электротоваров резко поднялся спрос на лампы, светильники и фонари разной мощности. Все окна города ярко светились после захода солнца, некоторые не гасли все двадцать четыре часа. Карманный фонарик стал предметом первой необходимости при выходе на улицу. Даже в кинотеатре, после нескольких сеансов с пустыми креслами, фильмы стали показывать при полном освещении. Один изобретатель-энтузиаст изготовил у себя в гараже жилет из множества небольших светодиодных фонариков, даже указал цену и хотел пустить в производство, но жители либо не сумели по достоинству оценить гениального изобретения, либо попусту уже потратили все деньги на освещение дома.

Но вскоре и этого оказалось мало. Жители города принялись писать умяляющие, а иногда и гневные письма своему мэру, требуя, чтобы он увеличил количество уличных фонарей.

Мэр, конечно, заметил столь резкую перемену в своем городе, но сам, живя с семьей на окраине в частном доме и никогда не встречавшись с Человеком из тени, даже читая многочисленные письма своих земляков, не верил в слухи и уже подумывал вызвать в город несколько бригад врачей по специальным психическим расстройством. Всё так бы, наверное, и произошло, если бы не случай с его дочерью.

С наступлением нового учебного года ее класс перевели на вторую смену обучения, поэтому каждый день она возвращалась домой уже поздно вечером. Отец, увязнув в делах и не сразу это заметив, предложил ей подвозить ее после уроков на машине. На что она ответила, что в этом нет необходимости, ведь теперь у нее есть хороший друг, который провожает ее каждый вечер из школы по темным улицам предместья; с ним ей спокойно и она чувствует себя в безопасности. «Что еще за хороший друг? — спросил ее отец». Вместо ответа его дочь выключила в комнате свет. «Вот он — мой друг, — сказала она, показывая в темный угол комнаты». На следующий день в городе началась установка дополнительных уличных фонарей.

С каждым днем город горел всё ярче; проезжающие его по трассе люди думали, что в городе начался пожар. Вскоре были освещены все дворы, переходы, детские площадки и подворотни. Остался только тот самый сквер. Человек из тени снова прогуливался по нему, утопив руки глубоко в карманы плаща и еще ниже склонив голову, но каждый день его маршруты становились всё короче и короче. Рабочий, устанавливающий последний фонарь на месте рождения Человека из тени, заметил его сверху. Перед тем как пролить свет, он взглянул в темную шляпу, которая вдруг оказалась в темной руке, а темная голова медленно стала подниматься. Рабочий только и успел заметить иссиня-черные отросшие волосы, черное с неясными чертами лицо и светлые, до боли красивые и знакомые глаза.

Последний фонарь был зажжен. Тень навсегда покинула город, а вместе с ней и Человек из тени.

Последние слова глухо прозвучали в темной комнате. Во дворе вовсю главенствовала ночь. Дед повернулся к внуку, но тот уже спал, натянув одеяло чуть ли не до самых ушей. Он хотел было выйти покурить перед сном на улицу, но встретившись взглядом с темной ночью за окном, лишь поудобнее устроился на подушке и забылся крепким сном.

Погода следующим утром была прекрасной! Осень было уже взялась обеими руками за вожжи, с ехидной улыбкой нагнала туч на небо, оросила дождем иссохшую зноем землю, посрывала такие слабые листья своими холодными пальцами, да поуспокоилась. Бабу лето вышло на прогулку и заговорило осень своими историями то про тополинный пух, то про ранние рассветы, что та и не заметила, как выглянуло солнце, как повеселел воздух и опавшие листья, уже попрощавшись со своей матерью-веткой, будто снова ожив, загорелись золотым светом.

— Дед, ты только выгляни в окно! — сказал внук поутру.

Восхищение его было понятно каждому, кто учился в школе. Первое воскресенье сентября, когда неокрепший ум еще с трудом и неохотой целую неделю постигал математические уравнения и деепричастные обороты, теперь, глядя на открывшуюся картину за окном, всеми силами желал оттянуть предстоящую неделю и снова окунуться в беззаботность лета. Провести такой день дома было бы сущим преступлением. Поэтому, наши любители увлекательных историй, поспешно отобедав бабушкиными котлетами и взяв на перекус манник с малиной, отправились в путь.

— И чего это вы так поздно? Уже и фонари зажглись, — сказала бабушка, когда они вернулись домой.

— Ты не представляешь, как красиво сегодня было на городском пруду! — сказал внук, расстегивая куртку. — А с Доменной горы весь город видно как на ладони, даже ваш дом! Скажи, ты сегодня выходила куда-нибудь примерно в четверть пятого?

Бабушка теребила в руках небольшое полотенце.

— Совсем забыла сказать еще днем...

Дед и внук застыли в недоумении. Маленький ботинок, слетевший с ноги, завалился набок.

— Мы же завтра собирались ехать в сад с самого утра, ты не забыл? Сходил бы ты в гараж, пригнал мотоцикл, пока еще не совсем поздно.

Упавший ботинок стал натягиваться обратно на ногу. Две пары глаз уставились на завязанные шнурки.

— Я же с дедом, — сказал внук, пятясь к выходу.

Бабушка лишь развела руками перед тем, как запереть дверь.

Два ряда одинаковых гаражей встречали ночь под светом ярких фонарей. Неасфальтированная дорога между ними еще не успела высохнуть после недавнего сезона дождей, и грязью расплзалась под подошвами ботинок.

— Ах, как же так, — сказал сокрушенно дед, — еще вчера работал!

И правда. Фонарь над последним гаражом взял бессрочный отпуск. Яркая очерченная граница между светом и тенью стояла перед нашими друзьями. Но ничего поделать было нельзя: просьба бабушки — закон. Предварительно оглянувшись и вдохнув побольше воздуха в легкие, дед вошел в темную пучину и зазвенел ключами. Внук, тем временем, ступая след в след, поспешно догонял деда, чтобы помочь ему справиться с замком.

— А ну-ка, — сказал дед, — поднажми-ка здесь. Внук навалился всем своим маленьким телом на дверь гаража, и замок наконец щелкнул.

Внутри пахло бензином и пылью. Полки, обильно заваленные необходимыми гаражными атрибутами, еле просматривались в темноте; в углах в лунном свете светилась паутина; а коренной житель сего помещения — желтый ИЖ с коляской — гордо стоял посередине и будто наперекор ночи сиял своими начищенными боками.

Пару раз щелкнув выключателем и не получив желаемого результата, дед выругался, но так тихо, что даже кошка, спящая где-то поблизости, не повела ухом. Внук, прижавшись к верстаку и вцепившись в холодные тиски, еле привыкшими к темноте глазами озирался по сторонам. Где-то совсем близко, разбив тишину, громко залаяла собака; оба посетителя гаража вздрогнули, но виду друг другу не подали.

— Давай-ка выведем нашего друга на свежий воздух, — сказал дед, — а то ему тут душновато стало.

Крепко схватившись за резиновые ручки руля, он медленно катил мотоцикл навстречу Луне. Внук, наконец отцепившись от тисков, всеми своими немногочисленными силами толкал его сзади. Мотоцикл неторопливо покидал свою обитель.

— Ну вот, делов-то на пять минут! — сказал дед, разглядывая пустой гараж. — Давай закрываться, а то опоздаем к чаю.

Проделав ту же процедуру взаимопомощи, они закрыли дверь, и замок, прощаясь, снова щелкнул.

Водрузив на голову внука непомерно большую каску и усадив его на пассажирское место в коляске, дед, повернув ключ зажигания, резким движением ноги дернул кикстартер. Мотор тихо прокашлялся и умолк. Как следует напрягши ногу, вложив все остатки потраченных за день сил, он снова ударил, но мотор, будто смеясь, лишь закричал в ответ и принялся спокойно отдыхать дальше.

— Что же это такое, — сказал дед и повернулся к коляске, но она уже была пуста: внук снял шлем и, прыгнув на землю, недоуменно переводил взгляд от мотоцикла к деду.

Луна полностью налилась; в кустах трещали кузнечики; ветер приносил желанную днем и отчего-то пробирающую сейчас до мурашек прохладу.

— А ну-ка, давай-ка немного подтолкнем, — сказал дед, снова схватившись за ручки руля.

Внук уперся своими маленькими ручками в коляску и, опустив голову, отталкивался ногами от земли. Не успели колеса еще прокрутиться и трех раз, как мотор завелся и взревел, словно потревоженный дикий зверь.

Дед хотел было уже снова усаживать внука и наконец ехать домой к горячему чаю и теплой постели, как, только мельком взглянув в зеркало заднего вида, замер на месте с широко раскрытыми от удивления глазами. В зеркале заднего вида, во всей своей темной красе, стоял он — Человек из тени. Шляпа его была низко опущена на глаза, сутулые плечи покрывал плащ цвета непроглядной ночи, лицо покрывала черная пелена; но, несмотря на это, дед мог поклясться своим любимым мотоциклом, что где-то глубоко-глубоко на дне этой черной бездны сияла улыбка, и яркий свет ее, пробиваясь сквозь тьму, ярко освещал весь черный образ Человека из тени, отчего на смену внезапному страху приходила радость и благодарность.

— Ура, — закричал внук, — видел, какой я сильный? Без меня бы и не справился, — он ехидно поглядывал на деда, улыбаясь во весь рот.

— Да-а, — нараспев проговорил дед, перекикивая мотор, — даже не знаю, что я бы без тебя делал!

Он снова взглянул в зеркало заднего вида, но там уже никого не было.

Фонарь над последним гаражом ярко загорелся. Но наши друзья этого уже не увидели, они мчались на всех парах к горячему чаю, теплой постели и новой истории про Человека из тени.

Сентябрь 2024г.

Дурни!

Он не видел, как медленно мерк за окном летний день, и как вечер, своим легким прикосновением, согнал с листьев блеск, сгустил тени и разлил багряную краску по небу. Он так же был безучастен и к напеву соловья, и к прохладному ветерку, ласкавшему шею, и даже к громким, таким похожим друг на друга, возгласам во дворе, которые, словно производя переключку, выкрикивали имена детей.

Он — Павел Сергеевич, мужчина средних лет, с заметной проседью в волосах и таким хмурым, напряженным лицом, что казалось, будто он только вернулся с поля битвы и во всем — в деревьях, солнце, ветре и даже в кружке с горячим чаем — видит угрожающую его жизни опасность, и поэтому в любую минуту он готов отразить нападение.

На мир он смотрит исподлобья; шаг его, даже при маленьком росте, широк и тверд; после рукопожатия его собеседники некоторое время трясут и разминают за спиной ладонь. Когда он проходит мимо, коллеги невольно переходят на шепот; соседи придерживают дверь подъезда, даже если он только выходит из-за угла дома; а злые, одичавшие, голодные собаки, при виде Павла Сергеевича, виновато опустив голову, ретируются в другой двор. Казалось, что Павел Сергеевич никогда не был молодым; казалось, что Павел Сергеевич сразу таким и появился на свет: напряженным, хмурым и с заметной проседью в волосах.

Выйдя с балкона, он погрузил свое тело в мягкое кресло и снова взял натруженными руками книгу; но вот уже несколько минут в комнате не было слышно шелеста страниц. Взгляд его серых глаз, замерев на одном месте, казалось, проникал сквозь книгу, сквозь стены, сквозь дом, сквозь пространство и время; и оттого, что он там видел, всё его лицо — брови, лоб, подбородок и, в особенности, тонкие, сжатые губы — словно облегченно выдохнуло. Казалось, все опасности и угрозы миновали. И даже проседь в его волосах весело запестрела в лучах заходящего солнца.

Час назад, во дворе, по обыкновению, играла детвора, и шум их игр возрастал по мере того, как убывал летний день. По двору проносился крик, визг, смех, плач, глухие удары по футбольному мячу и неумолимые требования отправить судью на мыло. Но всё это не мешало Павлу Сергеевичу заниматься некогда любимым делом; его интерес возрастал, подобно детскому шуму, по мере того, как мимо пролетали страницы. Но вдруг детвора внезапно стихла, и эта тишина была теперь громче, чем самый пронзительный крик. От неожиданности Павел Сергеевич сбился со строки, поднял голову, подозрительно осмотрелся и принялся перечитывать абзац с самого начала. Но не успел он еще дойти и до половины, как за окном послышался высокий, протяжный писк, словно кто-то притащил во двор скрипку и пытался, на потеху публике, извлекать из нее звуки; Павел Сергеевич приблизил книгу ближе к лицу и до скрипа сжал пальцами корешок. Через одно предложение писк повторился снова, но уже громче. Тогда Павел Сергеевич нахмурился еще сильнее, как следует выругался, бросил книгу и, не без любопытства, отправился на свой балкон второго этажа.

На толстой ветке старого дуба, примерно в трех метрах от земли, сидит толстый, упитанный кот и, с опаской глядя по сторонам и с ужасом вниз, жалобно мяучит, вызывая о помощи. Под деревом, в тени, стоит детвора и заговорщически переглядывается.

— Опаздывает, — говорит кто-то вполголоса.

— Да у тебя часы спешат... не дрейфь.

— Не придет.

— А ну... тсс... тихо ты!

Вдруг резко открывается дверь подъезда и во двор выбегает старик, худющий как жердь и с включенными, седыми космами, обрамляющими гладкую лысину. На нем: белая майка,

широченные синие спортивные штаны и домашние тапочки, шлепающие при каждом шаге. Вид у него до того встревоженный, будто ему только что сообщили, что у него горит дача на другом конце города. Он согнул спину, вытянул голову и, взмахивая перед собой руками и неуклюже переставляя ноги, словно ребенок, что еще учится ходить, бежит к детворе. Глаза его широко раскрыты; лицо скривилось в гримасе ужаса.

— Ах вы дурни, — кричит он, наваливаясь своим хриплым, старческим голосом на букву У. — Дурни! Зачем же вы его туда пустили? Он же сейчас со страху помрет. Дурни!

Вдруг он останавливается на половине пути, будто упервшись в стену, задумчиво чешет свою лысину, еще шире открывает глаза, бьет себя ладонью по лбу и так же неуклюже бежит обратно. Детвора стоит возле дерева и молча смотрит ему вслед; кот, не понимая ничего, не унимаясь, продолжает свою жалобную песнь. Через минуту старик снова появляется в дверном проеме, но уже с двухметровой деревянной лестницей в руках.

— Дурни, — кричит он с подъезда, — куда же вы смотрели... сколько страху... бедный, бедный... Дурни!

Из компании детворы отделяются двое мальчишек и со всех ног бегут к старику.

— Давайте, давайте лестницу, — кричат они.

— Да куда ж вам, — отвечает старик, — сейчас и лестница на дереве окажется, не успеешь оглянуться.

Словно презентуя, он держит лестницу двумя руками и топчется на месте, не зная, какой ногой начать спуск с подъезда.

— Давайте, давайте, — повторяют мальчишки.

— Эх, вы... — причитает старик, но лестницу отдает, и они втроем бегут к старому дубу.

Мальчишки несутся, держа лестницу над головой, словно пожарные на пожар, летят во всю прыть, галдят и хохочут; а старик бежит, бежит за ними, еще ниже склонившись к земле, еще сильнее размахивая руками, еще выше поднимая колени и сопя от волнения; майка его взмокла, грудь жадно вбирает воздух, волосы встали дыбом, так что голова походит на одуванчик. Детвора расступается; мальчишки, опередив старика, крепко устанавливают лестницу к стволу и держат ее с обеих сторон; кот, видимо, утомившись, затихает и поудобнее устраивается на ветке.

Вконец запыхавшись, старик подбегает к старому дубу и долго стоит, упервшись ладонями в колени, переводя дыхание.

— Дурни... — говорит он прерывистым голосом, — и куда ж вы смотрели... вам всё футбол, а тут... такая высота... бедный... бедный... Я же его, — он чуть отдышался и выпрямился, — нашел еще когда в этом дворе...

— Дедушка, — говорит кто-то из детворы, — лестница.

— Ах ж лестница, — чертыхается старик, — чего же вы молчите, как воду в рот набрали?

Потом он плюет на ладони, делает глубокий вдох, уверенно и смело цепляется за лестницу руками и из последних сил, медленно, отдыхая на каждой перекладине, поднимается, тихо приговаривая: дурни, дурни, дурни. Детвора, задрав голову, переминается с ноги на ногу.

— Кузька, кузька, — говорит старик хрипло и ласково, добравшись наконец до ветки.

Кот лениво поднимает голову и шевелит одним ухом.

— Кузька, Кузька, — повторяет старик, — идем, Кузька.

Кот зевает и устремляет взгляд в сторону щебечущих в кустах воробьев.

— Кузька, это же я, пойдем, Кузька.

Кот лизет лапу и умывается.

— Ксс, ксс, ксс, — зовет старик, протягивая руки.

Кот, словно учуяв рыбу, оживляется, смотрит на старика и неуверенно делает первый шаг.

Через минуту — кот спасен, детвора кричит и хлопает в ладоши, старик сияет от счастья, прижимает к себе кота, целует в мохнатую голову и смотрит на него мокрыми глазами.

— Кузька, — говорит он умиленно, — опять тебя нелегкая на дерево понесла. И что бы ты без меня делал? — Он чешет кота за ухом. — И что бы я без тебя делал? Наверное, помер бы. Ну, иди гуляй.

Старик опускает кота на землю, хватается за лестницу и спокойно, с довольной улыбкой, бредет к подъезду. Детвора смеется, о чем-то шепчется, гладит по очереди кота, как вдруг, с соседнего дома доносится зов: «Ваня! Ваня, домой». Один мальчик восторженно вскрикнув, принимается прощаться с ребятами. «И Ваську, Ваську не забудь, — добавляет зовущий голос, — нагулялся, небось». Мальчик поднимает кота, сует его под мышку и бежит домой.

Солнце зашло, и в комнате стемнело. Только что зажженный на улице фонарь, робко и неуверенно, разбавил тьму. Но Павел Сергеевич этого не заметил. Внезапно тишину нарушил дверной звонок. Павел Сергеевич, очнувшись как ото сна, положил книгу, встал с кресла и двинулся в прихожую, выставив вперед руки и собирая коленями косяки. За дверью стоял его хороший знакомый с работы. Он, сощурился и вытянув шею, посмотрел за спину Павлу Сергеевичу и сказал:

— Слушай, парень, а Павел Сергеевич дома?

Июнь 2025г.

Бескрайнее лето

На бескрайних просторах песчаной пустыни, в траншеях, глубиной в два человеческих роста, вырытых неподалеку друг от друга, притаились два отделения противоборствующих армий: красной и синей. На дне каждой глубокой траншеи, в тени песчаной стены, находилось по одному командиру на пять рядовых солдат, что в ожидании приказа застыли в воинственных позах: кто-то, стоя в полный рост, прижимал приклад ружья к щеке; кто-то, уперевшись коленом в землю, держал наготове гранату; кто-то, лежа плашмя вдоль траншеи, целился в противоположную стену. У командира синей армии не было ноги, но он стоял так твердо, будто она у него была.

— Бойцы, — сказал он, — мы должны их победить!

Бойцы молчали.

— Нет, — сказал командир красных, — это мы должны их победить!

Никто не шелохнулся.

Но вдруг, одновременно с обеих сторон, приказ: в атаку! Все подобралось.

Командир синей армии, оттолкнувшись единственной ногой, одним махом оказался на поверхности; за ним, по очереди, словно кузнечики, выпрыгивали его солдаты. Красные не заставили себя долго ждать и тоже покинули глубокий ров. «Вперед!» — крикнули командиры. И дюжина человек ринулась друг на друга: одни стоя, другие в приседе, третьи по-пластунски; командир синих прыгая на одной ноге. Воинственный крик двух команд слился в один продолжительный, низкий гул.

Но вдруг, о ужас, на поле боя опустилась огромная нога в белом башмачке — все бросились врассыпную; командир красных пал смертью храбрых; командиру синих оторвало последнюю ногу. Не успели выжившие опомниться, как на землю рухнула вторая точно такая же нога и погребла в песчаной могиле несчастного солдата; теперь из песка торчала лишь его полусогнутая рука, пальцы которой смертельной хваткой держали гранату. Кто стоял на ногах — упали ниц. Кто лежал плашмя — перевернулись на спину и невидящим, застывшим взором уставились в небо. На их лицах не было тени страха, его поглотило равнодушное смирение; они знали, что обречены.

— Опять твоя дурацкая кукла, — сказал мальчик, сидя на корточках и поправляя кепку с коротким козырьком; в его сандалиях гулял песок, но он этого будто не замечал; он был возмущен, — такую битву сорвала, — он принялся откапывать свои войска.

— А ты, — сказала светловолосая девочка в белом платье, — своими криками срываешь мне свадьбу.

Мальчик остановился, повернул голову и увидел, чуть поодаль от песочницы, сидящую на земле мужскую куклу в свадебном костюме.

— И не жарко ему, — сказал он, — жара такая.

— А твоим солдатикам не жарко в этих ямах? — спросила девочка, поправляя на кукле платье.

— Это brave вояки, — ответил мальчик, сдувая песок с одного из солдат, — brave, они ничего не боятся.

Девочка беззвучно, еле шевеля губами, несколько раз повторила слово «brave».

— А мне кажется, — сказала она, — что муж этой дамы и одной ногой бы победил всех твоих... brave солдатиков.

Мальчик не отвечал: он копался в песке.

— Да вот же она, — сказала девочка.

— Где?

— Вот, — она указала пальцем, — около твоей ноги.

— Ах, — мальчик закрутил в пальцах синюю ногу; девочка захихикала.

Мальчик посмотрел на нее из-под козырька кепки.

— И что бы ты без меня делал? — спросила девочка.

— Провел бы героическую битву, — ответил мальчик, — а то каждый день одно и то же.

— Так шел бы в другой двор, или тебя так далеко мама не отпускает? — девочка крутила в руках куклу и улыбалась.

Мальчик вновь взглянул на нее из-под кепки и тут же занялся ногой командира.

— Отпускает, — ответил он, — да там песок никудышный.

К ним подошел еще один мальчик. Его голова так глубоко утопала в панаме, что были видны лишь кончик носа и губы; вся кожа на его теле, в майке и шортах, была бледной, как у вампира, вся, кроме ужасно обгоревших кистей рук; издалека казалось, что он носит темные перчатки.

— О, наш дед пришел, — вставая сказал мальчик в кепке, — а где же твоя шуба?

Девочка прыснула со смеху.

— Уже тепло, — ответила будто панамы, — мама сказала: уже тепло.

— Тепло? — мальчик снял кепку, закрутил головой и замигал глазами. — И правда, тепло. А я думал, завтра Новый год.

Зеленые листья чуть заколыхались, будто от его смеха. Девочка, смеясь, закрывала рот раскрытой пятерней.

— Осенью я иду в школу, — невозмутимо говорил мальчик в панаме, — мне нужно беречь здоровье.

— Я тоже иду, — сказал мальчик в кепке.

— Я тоже, — сказала девочка.

— Я буду хорошо учиться и стану космонавтом, — под панамой засветилась улыбка.

— И на какую же планету ты полетишь, космонавт? — спросил мальчик, ехидно сощурился глаза под козырьком.

— Ясно дело: на какую пошлют. Главное — учиться хорошо.

— Точно, без пятерок в ракету не пускают. Да смотри, — в космосе холодно, как бы тебе не простудиться.

— Мама сказала: в скафандре тепло.

— А я, — сказала девочка, — стану учительницей, как моя мама.

— Получается, — сказал мальчик в кепке, — будешь всегда ходить в школу.

— Да, — просияла девочка. — А ты? — спросила она его.

— А я... а мне кажется, что было бы лучше, если бы лето никогда не заканчивалось.

Все задумчиво молчали.

— Но, — сказал наконец мальчик в панаме, — если не закончится лето, то не наступит осень, я не поступлю в школу и не стану космонавтом.

— А я — учительницей.

— Зато, — мальчик опустил голову, пряча за козырьком кепки зардевшиеся щеки, — зато будет всегда тепло, — он поднял голову и улыбнулся.

Девочка крутила локон своих светлых волос. Мальчик неуверенными движениями поправлял панаму.

— Тогда не будет Нового года, — сказал он.

— И моего дня рождения, — сказала девочка.

Вдруг на них налетел порывистый, холодный ветер, словно кто-то потревожил осень; мальчик в панаме сжался и весь вздрогнул, точно увидев паука; озираясь в сторону дома, он сказал: меня, кажется, мама зовет, и ушел.

— Опять пошел за своей шубой, — сказал мальчик и, снова присев на корточки, начал готовиться к новой битве.

По двору, словно лучи солнца, разлился девичий смех.

— А ты в какую школу пойдешь? — спокойно, как бы между делом спросил мальчик, не отрывая взгляда от глубокой траншеи, куда методично возвращал бойцов.

— Во вторую, — ответила девочка, — а ты?

Мальчик ответил не сразу; он склонился еще ниже к песку, словно силясь там что-то найти.

— И я, — наконец ответил он; голос его был глухим и сдавленным, будто он сейчас закашляет.

Он расставил солдат как попало: красные перемешались с синими; лежащий стрелок, теперь прижавшись грудью к стене, целился в небо; нога синего командира снова куда-то запропастилась. Но мальчик этого не замечал. Он был совершенно уверен, что лето никогда не закончится.

Июнь 2025г.

Богатство

— А обязательно показывать живое? — спросил мальчик в кепке с коротким козырьком, не замечая палящих лучей солнца. Он стоял, широко расставив ноги и разведя руки, находясь в решительном нетерпении, словно у него в груди была взведенная пружина, готовая вот-вот сорваться.

— Нет, — сказала девочка в светлом платье, сидя перед ним на лавочке и крутя пальцами свои светлые локоны, — можно и не живое.

— Можешь показать хоть свой холодильник, — сказал мальчик из глубин натянутой на самые глаза панамы, — или учебник по математике; а кстати, кто-нибудь помнит, как он выглядит?

Вдруг пружина, наконец, сорвалась, и мальчик сначала подпрыгнул, словно от толчка по детской площадке из недр земли, а потом забегал перед лавочкой, поднимая пыль и размахивая руками. Девочка не выдержала, вскочила и весело забегала тоже. Мальчик в панаме медленно поднялся и, неуклюже, высоко поднимая колени, принялся наворачивать круги. Все они заливисто смеялись, а стрижи, совсем низко пронесившись в небе, вторили им отрывистым, веселым визгом.

Чуть поодаль от детской площадки, на такой же лавочке, сидел молодой человек, но слух его не улавливал ни смеха детворы, ни визга стрижей, а разгоряченное солнцем тело и вовсе, казалось, было пренебрежительно безучастно к прохладной тени молодой березки.

Всё его внимание было поглощено мятой пачкой сигарет, что он держал перед собой обеими руками. Неотрывный взгляд его был пытлив, губы сжаты, брови опущены, и во всей позе — и в согнутой спине, и в вытянутой шее — было какое-то предельное напряжение, что, казалось, стоит только к нему прикоснуться — и сердце его тут же остановится. Дрожащими руками он открыл пачку, и из ее опустелых стен, сиротливо и одиноко, взглянула на него последняя сигарета. Он уже потянул палец, чтобы снова запереть ее в темноте, как вдруг листья березки чуть колыхнулись от слабого ветра, и на фильтр сигареты упал крошечный солнечный луч; тогда молодой человек резвым движением выхватил сигарету из пачки, крепко зажал ее губами и закурил. Он выпрямил спину, запрокинул голову и, глубоко затянувшись, закрыл глаза, но уже через секунду, выдохнув едкий дым, открыл их и снова взглянул на уже пустую пачку.

— Сто семьдесят пять рублей, — сказал он обреченно, — сто семьдесят пять рублей улетели в трубу, — а потом смял пачку в кулаке и выбросил в рядом стоящую мусорку.

Теперь он курил медленно, маленькими, короткими затяжками, едва касаясь губами фильтра; он долго держал дым внутри себя, и с каждым выдохом всё громче становился в его голове голос квартирной хозяйки, отзвучавший всего десять минут назад; молодой человек пытался затягиваться еще короче, но голос был неумолим. «Когда вы изволите заплатить за квартиру? — гремела хозяйка. — Вы мне должны уже за полтора месяца! А вы знаете, сколько это? — и не дождавшись ответа: — Это двадцать тысяч рублей». Двадцать тысяч рублей; словно упругий мяч, заброшенный в маленькую комнату, эта фраза носилась в его голове, отскакивая то от лба, то от темени; двадцать тысяч рублей. И он принялся, по обыкновению, считать, загибая пальцы, свои предстоящие рабочие смены, хотя прекрасно знал, сколько их, ясно видел перед собой число, но нарочно сметал его и снова принимался считать. Потом, хмуря брови и закатывая глаза, он умножал свою почасовую ставку на количество часов в смене; хорошо, что нет никаких процентов, думал он, можно сразу всё высчитать до последней копейки и быть спокойным и уверенным. Но вскоре его уверенность и спокойствие давали трещину; предстояла самая тяжелая работа — умножить итоговую сумму на количество предстоящих смен, тут уже не спасали ни хмурые брови, ни закатанные глаза. И он считал, считал, напрягая до предела мозг, умножал на два, на четыре, на шесть, на восемь, после сбивался,

бранился, считал по новой, снова загибал пальцы и снова сбивался; а уже потом, после продолжительного смеха и удара ладони о колено, он умножал на десять, на пять, успокаивался и широко, приветливо улыбался получившемуся большому, красивому числу; но когда он прикладывал к нему громогласные слова квартирной хозяйки, то красота числа блекла, размер его уменьшался, оно стремительно чахло и угасало, пока и вовсе не испарялось в пространстве его тяжелых мыслей; тогда молодой человек уже переставал улыбаться, и брови его снова опускались, губы сжимались, а сердце готово было остановиться от одного лишь прикосновения к его до предела напряженному телу.

Он затаился глубже обычного, и сигарета, стлев до самого фильтра, больно обожгла ему пальцы и полетела вниз; молодой человек быстро затряс рукой, скривил лицо от боли и тут же забыл о ней, когда увидел, что бычок, перед тем как достигнуть земли, сначала ударился о его светлый кроссовок, оставив на нем маленькое черное пятнышко. Он встревоженно вскрикнул и выхватил обожженными пальцами из кармана платок; согнув спину, уперевшись грудью в колени, он усердно орудовал им, приговаривая что-то шепотом себе под нос. Через минуту пятно полностью исчезло, молодой человек облегченно выдохнул, выбросил злосчастный бычок, выпрямился и, только убрав платок обратно в карман, почувствовал, как болят его пальцы.

Вряд ли тревога так завладела бы им, если бы на покупку этих кроссовок не было потрачено столько времени и сил. Вы только представьте: в городе ровно десять обувных магазинов. И как же можно, скажите мне, позволить купить себе обувь в первом попавшемся магазине, когда вы еще не были в остальных и не знаете тамошних цен? Это же просто издевательство над собой и своим кошельком! А что, если где-то там, на другом конце города, в маленьком магазинчике в подвале, лежит на полке несметное сокровище, что только и ждет, чтобы вы его приобрели. И поэтому, выйдя с самого утра из дома в свой выходной, молодой человек принялся методично обходить все десять обувных магазинов города. «Нет, это самая дешевая модель; ставить цену ниже просто непозволительно». «Молодой человек, где вы видели такие цены, в прошлом веке?» «Извините, извините, молодой человек, я просто вспомнил одну забавную шутку». «Нет, это последний размер, больше размеров нет, даже на складе». «Но, молодой человек, это же отличное качество, вы за него и платите». «Молодой человек, не смотрите на цену, смотрите лучше на эту толстую, крепкую, непромокаемую подошву». «Я сам отходил в таких целых два сезона, отходил бы и третий, если бы они мне не надоели». «Если найдете такие же дешевле — можете забирать бесплатно». «А в торге вам равных нет, молодой человек, как жаль, что я не торгуюсь». «О, молодой человек, это же натуральная кожа, такой обуви вы больше нигде не найдете, нигде!» И, наконец: «Нет, я уже закрываю магазин, приходите завтра. Что? Ну хорошо-хорошо, пойдемте. Какие говорите? Ах, это вы, я вас вспомнил. И я же говорил вам, что ставить цену ниже уже просто непозволительно. Что? Да, я с вами полностью согласен. Ну, как, не жмет? Ничего, разносятся. Носите, молодой человек, носите на здоровье и приходите еще. До свидания».

Молодой человек машинально потянулся к карману, где обычно лежали сигареты; отстранив руку, он нагнулся и тяжелым взглядом уставился в землю. Про беду говорят, что она не приходит одна; к сожалению или, в иных случаях, к счастью, воспоминания тоже не терпят одиночества; и вот оно только всплыло из недр памяти, как сразу потянуло за собой своих собратьев, и они камнями посыпались на голову молодого человека.

Не вернуться ему было ни от магазинных полок, ни от рыночных рядов, ни от мелких ларьков; не спастись ни от прогулок с друзьями, ни от той гладкой стойки бара, ни от теплого, удобного такси; стремительно настигала его и та прожженная куртка, и пробитая камера велосипеда, и протекающая труба под раковиной; с визгом неслись вниз и те брюки, и рубашка, и галстук, который нельзя было не купить к той рубашке; оставляли синяки и ссадины, набивали огромные шишки книги, пластинки, картины; и какими же острыми и тяжелыми были те ред-

кие свидания, женщины, торгующие цветами на углу, и кассы кинотеатров. Голова его отяжелела; мысли запрудились числами, числами, числами. Сначала где-то вдалеке и еле слышно, но всё более и более отчетливо гремел пронзительный голос квартирной хозяйки. Из ледящей завесы дождя, с надрывным визгом тормозов, появилось такси. Из темноты холодного подъезда выплыло увядшее лицо друга с молящими глазами. Молодой человек склонился еще ниже, и непременно свалился бы с лавочки, если бы не залиvistый смех с детской площадки. Он вздрогнул всем телом, поднял голову и уставился перед собой мутными глазами, будто спросонок. Впереди виднелись три расплывчатых силуэта, которые сливались то с зеленью листвы, то с чистотой голубого неба; и только потом, будто выплыв из неизмеримых глубин, появились и кепка с коротким козырьком, и панамы, и белое платье. Теперь молодой человек ясно видел, как мальчик в панаме, натянутой на самые глаза, прыгал на одной ноге, упирал в бока руки и, тщетно пытаясь сохранить равновесие, издавал отрывистый, высокий горловой крик. И теперь, он еще отчетливее слышал, как его зрители, вместо ответа только громко смеялись, держась за животы и топая ногами, и как мальчик в панаме от досады снова терял равновесие и кричал еще громче. Тогда, повинаясь какой-то неведомой силе, молодой человек вскочил с лавочки, запрокинул голову и, шурясь от яркого солнца, произнес громко и твердо: «Я отдал бы все свои деньги до последней копейки и всю свою жизнь до последней минуты, только чтобы снова вернуться в детство». И, о чудо, с неба низвергся ослепляющий столп света и поглотил его в своих недрах. Молодой человек, ощущая всем телом приятное тепло и легкость, закрыл глаза и, без остатка отдавшись этому потоку, словно летел куда-то далеко-далеко, словно возвращаясь домой.

Но, к сожалению, полет этот длился недолго: всего одно мгновение; и вот он снова чувствовал под ногами землю, и снова шурился от яркого солнца. «Померещится же», — проговорил он про себя, опустил голову и хотел снова усестись на лавочку, и чуть было не упал, больно ударившись о нее спиной. Молодой человек резко обернулся и, не замечая боли, удивленно вытаращил глаза. «Большая, — сказал он еле слышно. — Большая, — повторил громче. — Какая же большая лавочка, — закричал он и начал бегать и скакать около нее, будто ужаленный роем диких пчел. — Большущая, здоровенная, — кричал он, поднимая пыль, — просто огромная лавочка». Вдруг он остановился, умолк и застыл на одном месте, тяжело дыша; потом похлопал себя ладонями, помял пальцами лицо, взъерошил волосы и, рассмеявшись звонким, давно забытым смехом, снова уставился в небо.

— И чего ты там увидал, крикун? — спросил его мальчик в кепке с коротким козырьком.

Молодой человек опустил голову и увидел три пары удивленных глаз; мальчик в панаме всё еще стоял на одной ноге, едва удерживая равновесие.

— Или считаешь птиц в небе? — все трое подняли глаза. — Это еще что, нам Марья Петровна еще и не такие задачки дает, — девочка прыснула со смеху; мальчик в панаме потерял равновесие и, неуклюже расставив ноги, пытался снова найти его.

Молодой человек молчал, не в силах сказать и слова, и в то же время готов был сорваться с места и обежать кругом всю планету.

— Ну, чего молчишь? Оставь ты свое небо, пойдем лучше к нам — поиграем.

И молодой человек, широко улыбаясь, стремглав помчался к ребятам.

— Теперь твоя очередь, — сказал мальчик в панаме. — Я уже всё, — он вытер пот со лба, не снимая ее, — теперь твой черед, — и уселся на лавочку.

И молодой человек стал высоко прыгать, крутиться на месте, бегать вокруг лавочки, размахивать руками, корчить смешные и страшные гримасы, стоять то на одной, то на другой ноге, застывать в невообразимых позах и издавать неведомые еще для человеческой речи звуки. Все громко смеялись, выкрикивали какие-то слова, хватались за животы и снова смеялись. Вдруг мальчика в кепке накрыла такая большая волна смеха, что он, не в силах совладать с нею, стал наклоняться назад, а потом и вовсе свалился с лавочки. Все замолчали и испуганно оглянулись;

девочка приложила ладошку к губам. Молодой человек осторожно подошел и увидел лежащего на земле мальчика, который продолжал смеяться, будто ничего и не произошло. Через секунду он резво поднялся на ноги, расставил руки и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.